

СЕРЬГА АРТЕМИДЫ

...Знаменитая артистка лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

— Прекрати сейчас же.

— Как ты думаешь, зачем она там легла?

— Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

— Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

— Она... почему она лежит?! — вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями — так ей вдруг сделалось страшно.

Утром этого же дня

...Ну вот, опять!.. Начинается! Опять она зовет — что-то ей понадобится! Ну, невозможно-о-ожно! Ну, невыноси-и-имо!..

— Что еще?!

— Настя, брось телефон и подойди ко мне.

— Заче-е-ем?

Пауза. Словно она там, внизу, оглохла!

— Заче-е-ем, спрашиваю?!

— Зате-е-ем!

...Ни за что не пойду. Вот ни за что! Пусть она хоть сколько там орет. У меня дела, что тут непонятного? Важные, настоящие дела: перепостить кота, такой прикольный, а разослать не успела, отвлеклась на Соню. У кота та-акой бант и спит прям как человек. А Соню лайкнуть

надо? Надо! Она фотки завтрака выложила, все так красиво-красиво, а лайков всего семнадцать, обидится еще. Нельзя, чтоб обиделась, она кул, иногда зовет в свою тусу, а туса у нее что надо. Еще к Марьяне зайти, говорят, она Рустама из друзей удалила, нужно проверить.

— Настя!

— Ба, отстань, я занята.

— Ты ничем не занята. Спускайся немедленно!

...Только-только кота перепостила!..

Настя спешно лайкнула Соню — она кул! — сунула телефон в задний карман джинсов и, выбегая из комнаты, изо всех сил бабахнула дверью — чтоб мало никому не показалось.

Старый дом содрогнулся.

Дом содрогнулся, а она — хоть бы хны. Так и стоит возле лестницы, лицо деревянное, спина выпрямлена, руки по швам — истукан!..

— Я занята, на тур сейчас поеду! У меня экзамен! Ты что, не в курсе?! Я готовлюсь!

— Не морочь мне голову, — отрезала бабка-истукан, — ни к каким экзаменам ты не готовишься. И не готовилась!..

— Готовилась! Я готовилась!..

— Возьми лейку и полей гортензию, которая возле крыльца. Мне тяжело.

— Ба, у меня экзамен через три часа!

— А я гортензию только что посадила, — ответствовала бабка, словно какая-то гадкая гортензия имела значение! — Ее нужно полить.

Бормоча себе под нос ругательства, негодуя и злясь, Настя помчалась в прихожую. Когда она пробежала мимо бабки, та ловким движением выхватила у нее из кармана джинсов телефон.

— Ты что-о-о?! — завывла Настя, хватаясь за опустевшую без телефона, словно чужую задницу. — Зач-е-ем?!

Бабушка усмехнулась, вздернула брови и ответила, что при поливе гортензии телефон не требуется.

Настя слышала, как он, бедный, издает призывные звуки — в чужих руках!.. Он призывал Настю туда, где кипела жизнь, выкладывали фотки, лайкали, постили и перепощивали. Там ждали ее, Настю, там обменивались смешными шутками и важными новостями, в мессенджерах кипели недюжинные страсти, а Настя уже целую минуту... ни при чем. Она не живет уже целую минуту!

И потом. Она хорошо знает свою бабку!.. Та вполне может отобрать телефон до вечера, раз уж она его добыла!..

— Ба, — заговорила Настя плачущим голосом. Нужно как-то разжалобить противника, но разве *такую* разжалобишь! — Я полью эти

твои гладиолусы и еще чего-нибудь полью, но телефон мне нужен, понимаешь?.. Он мне для института нужен! Вдруг там что-то произойдет, а я даже не узнаю!

— Например, что? Произойдет? — осведомилась безжалостная бабка.

— Я не знаю! Отменят или перенесут! Или вообще!..

— Вообще ты сейчас польешь гортензию, потом выпьешь чаю с бутербродом и поедешь в институт.

— Без телефона?!

Бабушка засмеялась — ух как Настя ее в этот момент ненавидела! — и ушла.

Роняя вещи и пиная все, что попадалось на пути, Настя напялила раздолбанные зеленые галоши — их она тоже ненавидела изо всех сил — и выкатилась на улицу.

— Я актриса! — заорала она во все горло в сторону окон, за которыми, по ее мнению, притаилась бабка. — Я не стану поливать ваши долбанные цветы и носить ваши сраные галоши!.. Я уеду, уеду!.. И вы меня не заставьте!.. Я поступлю и перееду в общагу!.. И слова тебе больше не скажу! Никогда!.. И ты пожалеешь!

— Настя, лей под корень, — мирным голосом сказала бабка у нее за плечом. — Ты больше проливаешь.

Оказывается, змея не гнездилась в доме, а выползла через заднюю дверь и подкралась.

Настя вылила воду из старой-престарой садовой лейки и ринулась к кадучке зачерпнуть еще.

— Я стану знаменитой на весь мир! — говорила она страстно. — Я буду сниматься у самых великих режиссеров. И вы узнаете!.. Вы пожалеете все, все!.. А ваши гортензии пусть лучше подохнут!..

— В котором часу у тебя испытание? — как ни в чем не бывало осведомилась бабушка, когда внучка подволокла лейку.

— Я не знаю! — заорала Настя. Толстая струя воды выхлестнулась из рыхлой земли и залила галоши верхом. И на джинсы попало! — Ты телефон отобрала! И это не испытание! Это тур! Приемный ту-ур! Ты что, не понимаешь?!

— Я не понимаю, как связаны телефон и время испытания, — сказала бабушка. — Нужно еще одну лейку. Или время назначает сам телефон?

— Время назначает приемная комиссия, чтоб ты знала, дорогая бабуля! — Настя долила воду и вновь помчалась к кадучке. — Но его могут перенести! Ты понимаешь? Пе-ре-нес-ти! А я не узнаю!..

— Если время перенесут, повесят объявление. Ты явишься в институт и все узнаешь.

— Бабушка, сейчас так никто не делает! Не де-ла-ет ник-то! Все узнают новости в пнете!..

— Бог в помощь, — ответствовала бабушка, не дрогнув. — Поставь лейку под навес, прими душ, переоденься и за стол. У тебя мало времени. Разумеется, я в маразме, но время испытаний помню без всякого телефона. Оно назначено на три.

После чего змея уползла в дом.

Настя проводила ее ненавидящими глазами.

...Они ничего не понимают, ни бабка, ни мать! Ничегошеньки!.. Конечно, они совсем старые — матери в этом году стукнуло сорок, рехнуться можно, а бабке вообще никто не знает сколько, может, даже шестьдесят. Но и у старых куриц должны быть какие-то мозги в голове! Настя будет актрисой, она так решила давным-давно, лет в пятнадцать! Это ее призвание, ее выбор! Она творческий человек — в детском саду рисовала прилично, у матери сохранились альбомы с домиками и снеговиками. На всех утренниках была то Снегурочкой, то Весной, то Принцессой. И еще у нее голос, она поет! И делает красивые прически! Однажды матери сделала причесон на какой-то скучный корпоратив, так мать потом говорила, что все спрашивали, в какой парикмахерской она побывала! Настя будет актрисой, поступит в театральный и станет сниматься в кино. Бабка язвительно возражала, что в кино готовят в кинематографическом, а не в театральном, но какая разница! Вот какая?! Если ничего не понимаешь, молчи лучше! Настя в пнете изучила блоги великих актрис, и они все закончили театральный!.. И Светлана Дольчикова, и Эльгиза Тухерова, и Аня Бесовская! Впрочем, что Дольчикова и Тухерова! Настя непременно будет сниматься в Голливуде, в «Игре престолов»! То, что показали якобы последний сезон, — это все глупости! Институт пролетит быстро, подумаешь, четыре года, и она сразу же начнет сниматься. «Игра престолов» — гениальное кино, гениальное, его создатели еще сто раз передумают и продолжат снимать, а Софи Тернер и Мэйсон Уильямс к тому времени совсем постареют, им будет к тридцати.

...Какой ужас — тридцать лет!..

Надо же, бабка телефон отобрала! Он нужен как воздух, этот телефон!.. Вот что сейчас обсуждают в группе «Мы звезды»?! Настю на предыдущем прослушивании подписали! В этой группе все самые клевые чуваки с абитуры, и все ненавидят блатных! Ну, тех, о которых известно, что они уже заранее поступили, всякие дочери-сыночки! Настя, разумеется, блатных тоже ненавидела — от зависти. Вот никто, ник-то, ни мать, ни бабка, не позаботился о ней, начинающей актрисе, как следует!.. О ней

некому хлопотать. Мать нуль, пустое место, торчит в своем учреждении с утра до ночи, да еще работу на дом берет, сидит по вечерам за столом, строчит какие-то отчеты. О бабке и говорить нечего, откуда у нее связи!.. В молодости она работала в Пушкинском музее, Настя в этом самом музее каждый закоулок знает, каждую дверь, каждый пожарный выход! И что толку?.. Вот что толку?! Вот как это так, всю жизнь прожить и не нажить никаких, даже вот такусеньких связей! Настя, как только станет сниматься в Голливуде, тотчас же заведет дружбу со всеми знаменитыми блогерами, интернет-журналистами, сетевыми писателями и поэтами!.. Говорят, еще со спортсменами модно дружить, значит, и с ними тоже зафрендится!.. И у нее будет сколько угодно связей!..

В своей комнате, где царил не просто разгром, а сущий хаос, как в магазине китайского секонд-хенда после налета стихии, Настя принялась остервенело раскапывать курганы барахла. Ей нужно выглядеть!.. Вы-гля-деть! Она должна понравиться! В группе «Мы звезды» девчонки уделяли внешнему виду особое внимание. Некоторые говорили, что хорошо бы посерьезнее — очки там, юбка-карандаш, блузка под горло и сумка «Гуччи», с пристрастием выбранная на рынке «Садовод». Другие активно возражали — смотрят не на очки и сумку, а на красоту! Кра-со-ту! Что в первую очередь требуется от актрисы? Правильно, чтоб была красивой!..

Настя решила быть красивой — ультракороткая юбчонка, полосатые гольфы, топик, чтоб пупок чуть приоткрыт и чтоб с одного плеча спадала бретелька. Туфли, туфли... какие же сюда туфли? Хорошо бы лакированные, открытые — так сейчас носят, так модно, открытые туфли на носки! Но таких туфель не было, что там мать зарабатывает, одни слезы, не допросишься ничего — Настя обвела глазами курганы одежды, — значит, кеды. Да, пусть будут кеды.

Почти постанывая от жгучего, злобного нетерпения — хоть бы скорей вернуть телефон, хоть бы скорей! — она сделала контуринг, навела брови, нарисовала стрелки. Настя была счастливой обладательницей палетки «от Кайли» — отдала за нее все накопленные деньги!..

Волосы она подвила еще с утра и специальным образом спрятала под косынку — нужно просто потряхнуть головой, и они рассыплются локонами.

— Настя, тебе пора, — объявила бабка.

— У меня нет телефона, я не знаю, сколько времени! — проорала внучка в ответ.

— Около двенадцати, — проинформировала бабка. — И следует говорить не «сколько времени», а «который час», ты прекрасно это знаешь. Спускайся.

Когда Настя сбежала с лестницы, стол был уже накрыт — что-то такое в тарелке и что-то в кружке. Бабка-змея в кресле шуршала газетой. Поглядите на нее! Она до сих пор газеты читает, как... как первобытный рептилоид!..

Завидев внучку, бабка несколько изменилась в лице и отложила газету.

— Что?! — рывкнула Настя. — Что ты на меня уставилась?! Где мой телефон?! И есть это я не буду! Это люди не едят, известно тебе? Дай мне тысячу, я куплю в «Грядке» кино и фраппе на миндальном! И поем как человек!

— Зеленые щи и морс, — парировала бабка. — Пока не съешь, никаких телефонов.

— Я не стану это есть!..

— Не ешь, — легко согласилась бабка. — Тогда удачи тебе на испытаниях, внучка. Электричка через сорок минут, ты успеваешь с запасом.

— Отдай телефон! Сейчас же!..

— Щи и морс.

— Нет!

— Тогда удачи.

...Плакать нельзя. Никак нельзя плакать! Глаза потекут, контуринг поплывет. Господи, что ей, молодой актрисе, приходится выносить, какие претерпевать страдания! И перед самым ответственным в ее жизни событием!..

...Впрочем, где-то, то ли как раз у Дольчиковой, то ли у Тухеровой был пост про страдания. Это, мол, полезно для карьеры. Чего-то там потом с ними нужно делать, со страданиями, как-то перерабатывать, что ли, и из этого выходит что-то, режиссерам нравится.

Глубоко и сильно дыша от ненависти и страданий, Настя уселась за стол и принялась за щи.

Страдания переработались очень быстро! Щавелевые щи с ломтиком яйца, изрядным куском разварного мяса, с молодой картошкой и сладкой ватрушкой вприкуску — бабушка всегда подавала сладкие ватрушки к щавелевым шам — будущая актриса любила с самого детства. Разлюбила только недавно, когда выяснилось, что щи, да еще с мясом, запрещены, а уж ватрушки! Кто-нибудь знает, сколько в них глютена?! И тесто бабка ставит на самом примитивном коровьем молоке, не на миндальном или кокосовом!

Настя умяла вторую ватрушку, доела щи и залпом выпила морс.

— Ну вот, я съела. Где телефон?..

— Позвони, как освободишься, — велела бабка. — До ночи нигде не болтайся. Как только тебя... В общем, сразу езжай домой.

Настя исподлобья смотрела на нее. Все ясно! Старуха не верит в ее, Настин, успех. Она заранее знает, что не будет никакого успеха, а будет провал.

...Вот вы все посмотрите! Вы узнаете! Вы не верите, вы надо мной издеваетесь, телефоны отбираете, а я вам всем докажу! Я стану знаменитой и в вашу сторону вообще больше ни разу не посмотрю!..

— Телефон у тебя в рюкзаке, — как ни в чем не бывало продолжала бабка. — И мой тебе совет, Настюша...

— Не нужно мне советов, — пробормотала внучка. Она рылась в рюкзаке, сердце у нее дрожало, она чувствовала, что телефон где-то рядом.

— Постарайся, — сказала бабушка. — Вот просто постарайся. Со стороны всегда видно, когда человек старается.

Настя прижала телефон к груди. Господи, сколько там всего неотвеченного, непрсмотренного, неохваченного — жизнь, целая жизнь мимо прошла!

— Чем советы идиотские давать, помогла бы лучше. — Настя зашнуровала кед, перекинула локоны на другую сторону и принялась за второй. — Мы как в пустыне живем, ни связей, ни знакомств, ни-чего!.. Если б хоть кто-нибудь за меня попросил! Кто-нибудь!

— В актрисы не идут по звонку.

— Ты знаешь, какой в этом году конкурс?! Или мать, может, знает?! Восемьсот человек на место! Почти тыща!..

Бабушка помолчала.

— Будем надеяться, из них выберут самых достойных.

Настя хотела заорать и затопать ногами, но бабушка легонько подтолкнула ее в спину и незаметно перекрестила.

— Не задерживайся, — напоследок сказала она в спину внучке, когда та уже мчалась по дорожке.

— Да ладно! — крикнула будущая актриса, не оборачиваясь.

Она на ходу смотрела в телефон, торопливо листала сообщения, захлебываясь от нетерпения.

— Беда, — констатировала бабушка.

В Настиной «десятке» в основном все были... топ. «Луки» котировались по-нормальному. Настя незаметно оглядела себя — все круто, пипец!.. Правда, ее немного расстроило, что среди девиц оказалась ну очень похожая, прям сестра-близнец. Но та была как раз в лаковых красных туфлях. Может, и хорошо, что мать-нищенка Насте таких в свое время не купила?..

В аудиторию запускали сразу всю «десятку», на середину паркета вызывали по фамилии, слушали плохо. Особенно один, громадный, как лесничий Хагрид, весь заросший кудрявым волосом, — вот кого Настя сразу невзлюбила!.. Он мешал всей приемной комиссии, чего-то все копался в своем телефоне, беззвучно хохотал, разевая белозубую пасть, совал телефон за спинами, и экзаменаторы оглядывались, передавали, смеялись, — вот зачем ему в таком ответственном деле, на приемных турах, телефон?!

Когда очередь дошла до Насти, стало ужасно... неловко и страшно. Куда-то делась вся уверенность в себе. Зачем-то она стала одергивать юбочку, хотя ноги у нее сногшибательные, это точно, поправлять бретельку, задуманную неспроста, подпихивать под лифчик, чтоб не сваливалась, и сексуальный топик задирался на животе, а живот у нее — слабое место. Кубиков мало.

Волосатый и зубастый равнодушно сказал:

— Представьтесь, пожалуйста, — и не поднял от телефона глаз.

Будущая звезда пролепетала, что звать ее Настя, фамилия Морозова, родилась и выросла в Москве, в этом году заканчивает школу — тут она забыла номер школы. Умеет петь и танцевать — зачем лягнула, дура, сейчас закатают на какое-нибудь эстрадное отделение?!

— Так, может, пусть сразу спляшет? — оживился волосатый, не отрываясь от телефона.

— Секундочку, Игорь Маркович, — перебила строгая дама в очках, по слухам, в прошлом великая актриса, а сейчас гениальный педагог. — Девушка явно готовилась. Это видно невооруженным глазом. Начинайте, девушка.

У Насти готов был Бродский, про «скобки года», басня «Лиса и Бобер» и монолог этой дуры Наташи Ростовской, которая хотела полететь с балкона.

Прервали ее почти сразу, на Бродском.

— Достаточно, — объявил волосатый и мельком на нее глянул. — Все, все, вы свободны.

— Да, но у меня еще эта... как ее.. Наташа... и бобер потом...

— Списки смотрите, — велел волосатый. — Будут списки, там смотрите!.. Давайте следующего!

Тут произошло неожиданное: он вдруг высоко подкинул телефон, поймал, ловко сунул в карман — кажется, прямо карманом поймал! — поднялся, раскинув руки, и пошел на Настю с воплем:

— А-а-а!.. А-га-га-а-а!..

Настя в панике скакнула в сторону, как коза.

— Вот кого я ждал! Вот ради кого мучения принимал нечеловеческие! А она! Вечно опаздывает, Лиса Патрикеевна!..

И набросился с объятиями на тоненькую и хорошенькую девушку, как-то незаметно проскользнувшую в экзаменационный класс и оказавшуюся как раз за спиной у Настя.

Хорошенькая и тоненькая засмеялась неожиданно низким смехом, почти басом, и вдруг... Настя ее узнала. Все ее узнали.

Знаменитая артистка Светлана Дольчикова, в кино высоченная, гладкая, длинноногая, на самом деле оказалась маленькой и очень худой девушкой — локоть, на котором висела сумочка, выпирал, как шило из мешка!.. Лицо очень бледное, прямо белое, может, от того, что не накрашенное совсем?.. Следом за ней вошел крепкий мужик средних лет, наоборот, очень загорелый, прямо индеец из фильма про детей капитана Гранта!.. Насте в детстве страшно нравилось это кино!

— Иди, иди! — Волосатый и огромный подтолкнул знаменитую Дольчикову к столу приемной комиссии. — Посиди за меня!.. Посмотри, какая талантливая молодежь к нам в этом году ломится!.. Давай-давай!.. А мы вот с Александром Наумовичем поговорим пока!.. А, Наумыч?..

Хм, не очень-то он с ней почтителен!.. А это же сама Дольчикова! Такая знаменитость! Из самого что ни на есть первого ряда, все ее снимают, ну вот — все!..

Настя еще сильнее невзлюбила волосатого, о чем и сообщила в коридоре какому-то претенденту на актерскую долю, торчавшему под самой дверью класса.

— Ты че, не в себе? — обидно спросил претендент. — Это ж сам Серебрянский, ректор. Он на прослушиваниях никогда не бывает, вообще непонятно, почему сегодня приехал!..

— Подумаешь, ректор! — фыркнула перепуганная насмерть Настя. Сам ректор не стал ее слушать, вот ужас-то! — Ты видел Дольчикову? Вот это — да-а-а!..

— Че да-то? — перебил претендент, вытягивая шею и пытаясь слышать, что происходит в классе. Там кто-то что-то громко говорил, довольно давно, его не перебивали, надо же. — Просто артистка, таких до мамы!..

— До мамы?! — взвилась Настя. — Ну, ты дурак совсем!..

Претендент махнул на нее рукой.

...В просторном коридоре клубилась и гудела толпа. Носились озабоченные молодые люди с какими-то бумажками. Абитуриенты сидели на полу и подоконниках, один пристроился на край керамической кадки,

из которой торчала тщедушная пальма. Некоторые что-то шептали, закатив глаза, другие нервно хохотали, три девицы в углу обсуждали нечто явно секретное, потому что говорили друг другу на ухо — во всем этом гудеже! — то и дело заговорщицки оглядывались по сторонам.

Настя нервно облизала губы, потом вытерла их тыльной стороной ладони. Остался след алой губной помады. Она же собиралась быть на экзамене очень красивой!

...Как это Дольчикова ходит совсем без косметики, лицо словно мукой обсыпано?..

Парень, сидевший на краю кадки, держал на коленях толстую книгу и читал, не поднимая головы, словно там было написано невесть что такое. Настя прошла мимо, пытаясь рассмотреть, что он читает, но не рассматрела.

...Господи, когда уже будут эти дурацкие списки?!

Она пролистала в телефоне сообщения — еще утром запостила, что сегодня прослушивание, и все желали ей удачи. Какой удачи, она по коридору слоняется, ее даже слушать не стали, и нет никакой удачи!.. Лайкнула Соню — она кул. Соня выложила фотки с «позднего завтрака» где-то на Патриках, и Настя вдруг остро ее возненавидела. Конечно, легко «поздно завтракать» на Патриках, когда у тебя папаша богатенький и мамаша похожа на Кьяру Ферраньи, крутейшую блогершу!.. И фотки красивенькие выкладывать легко, а вот поди попробуй в театральные поступить, да еще без всякого блага!..

...Парень на кадке почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат, оторвался на миг от своей книги, обвел взглядом толпу и опять уткнулся. Настя замерла.

Он оказался красивым. Очень. Тонкое лицо, четкие скулы с пролезшей щетиной, длинный нос, очень ему шедший, — если человеку на самом деле может идти его собственный нос!..

Вот кого точно примут! Просто за красоту. Вообще не понадобится басня «Лиса и Бобер».

Настя моментально забыла Соню, Марьяну и Рустама — может, Соня уже зафрендил его обратно?.. Настя даже об экзамене позабыла и о ректоре, которого возненавидела, — так ей понравился парень.

Она прошла мимо кадки раз, другой. Он больше не поднимал головы, только еще раз почесался, и Настя восхитилась рукой — длинные пальцы, нервная кисть.

Тогда она кинулась и пристроилась рядом, на край. Стало холодно в груди, а щеки, наоборот, загорелись.

Парень взглянул на нее.

— Сесть негде, — залихватским тоном объяснила Настя и подборочком показала на толпу. — Это все потому, что в школу никому не надо аж до одиннадцатого мая, праздники же! Привет!

— Да, многовато людишек, — согласился парень. У него и голос оказался приятным! — Привет!

И вновь принялся за чтение.

Настя заглянула в книгу. Там какой-то Григорий куда-то волок какую-то Аксинью. Вот дикость!..

— Ты что, это читать будешь?!

— А?

— У тебя монолог отсюда?! Ты че, кто это будет слушать?! Они даже стихи не слушают!..

— Кто... не слушает?

— Они, — Настя мотнула головой в сторону экзаменационного класса. — Или ты уже читал?

— «Тихий Дон»? — спросил парень в изумлении. — Конечно, читал. Но сейчас время есть, я перечитываю.

— Твою десятку уже вызывали? Ты к какому мастеру поступаешь?

Парень захлопнул книгу. На обложке было набрано строгими буквами «Тихий Дон».

В школе проходили этот самый «Дон», даже сочинение по нему давали, но ловкая Настя умудрилась написать не читая. Когда ей всякую старинную дребедень читать?!

Настя незаметно выдернула бретельку майки из-под лифчика, чтоб красиво спала, и втянула живот. От втягивания ее сильно качнуло назад, в кадку, и парень поддержал ее под спину.

Рука у него... боже, какая у него рука!..

— Мастер у меня профессор Якобсон Михаил Григорьевич, — сказал парень. — То есть декан. Я поступил в прошлом году, и не сюда, а в ИСАА.

— Что это такое — иисааа?

— Институт стран Азии и Африки, — объяснил парень обстоятельно. — Не знаешь?..

— Ты что, не поступаешь в театральный?!

— Нет, — он вздохнул. — Я год назад поступил в ИСАА.

— А почему ты тогда... здесь?

— Я с другом хожу. Он один раз уже завалил, боится, что опять завалит. Я для моральной поддержки.

Настя от горя чуть не зарыдала. Он не поступает!.. Он просто так сидит на кадке!.. Она больше никогда, никогда его не увидит!..

— Как тебя зовут? — выговорила она в отчаянии, словно уже прощаясь с ним навсегда.

— Даня, — сказал парень. — Данила Липницкий, а тебя?

— Настя Морозова. А... «Тихий Дон»... интересная книга?..

— Великая, — сказал Данила Липницкий просто. — Папа говорит, таких книг в истории мировой литературы всего несколько.

— А у меня нет папы, — призналась Настя, очень жалея себя. — Умер.

— А у меня мама умерла. Давно, я ее совсем не помню. Папа говорит, она была... прекрасная.

Настя почувствовала себя немного лучше. Оказалось, что они оба почти сироты, у них есть общее!.. Их жизни схожи, а это гораздо круче общего института.

...И все же как жаль, что он не поступает!.. Его бы взяли. Глаза голубые. Прямо по-настоящему голубые глаза, яркие такие. В какую-то Африку он поступил, и Азию еще! Зачем *такому* Африка и Азия?!

— А Дольчикову видел? Дольчикова приехала, сейчас в приемной комиссии сидит! Вот ей бы я почитала! И она бы дослушала!

— Кто такая Дольчикова?..

Настя посмотрела на него и ответила:

— Великая актриса.

— А, — сказал Данила с уважением. — Я, знаешь, в них не очень... разбираюсь. Тебе с Ромкой нужно поговорить, он всех знает! И артистов, и режиссеров! В прошлом году так хотел поступить, и не взяли его, представляешь?.. Папа говорит...

Насте уже немного надоел его папа!..

Мимо прошли тот самый ненавистный ректор и загорелый мужик. Ректор жестикулировал и говорил, мужик слушал, повернув настороженное ухо.

Сквозь толпу протискивалась стремительная девушка в джинсовом комбинезоне, и ректор взревел:

— Мила! Мила!.. — Та оглянулась. — Пойди Дольчикову вызови! — И загорелому, жалобным тоном: — Сам не пойду, не могу! Я сроду на прослушиваниях не сидел, а тут с самого утра, понимаешь!.. То Онегины, то Марины Цветаевы, но самый цимес — Бродский!.. Помешались они на нем, дебилушки!.. Все до единого читают, как сговорились! А его читать — не таблица умножения, понимаешь! Уметь надо, чувствовать, ну, уж просто понимать на худой конец! А они так шпартят, без всякого разбору!..

— А я Бродского как раз читала, — прошептала Настя убитым голосом.

— Я больше Гумилева люблю, — отозвался Даня бодро. — До десятого класса больше всех любил Маяка, а потом других тоже любил. «Павианы рычат среди кустов молочая, перепачкавшись в белом и липком соку. Мчатся всадники, длинные копыта бросая, из винтовок стреляя на полном скаку». Разве плохо?..

— Какие павианы? Какие... всадники?..

— Гумилев. Я его люблю. А ты больше Бродского любишь?

Настя следила за стремительной Милой. Вот она влетела в экзаменационный класс, еще дверь не закрылась за ней, а она уже вылетела, волоча за тоненькую ручку словно слегка упирающуюся Дольчикову.

— Вот, вот она! — зашептала Настя Дане на ухо. — Смотри, смотри!

Тот посмотрел сначала на Настю, а потом в толпу, вовсе в другую сторону.

Бестолковый какой-то.

— Да не туда, а вон куда! Слушай, я у нее автограф возьму! Вот прямо сейчас возьму!..

...И бабке покажу! И пусть знает, с какими знаменитыми людьми ее никчемная внучка встречается, а потом будет работать, играть в одном фильме или спектакле!..

Впрочем, на автограф еще нужно решиться.

Дольчикова разговаривала с ректором и тем, загорелым. Мила нетерпеливо переминалась рядом с ноги на ногу, как видно, ректор не отпускал, а ей нужно было бежать.

Наконец разошлись!.. Ректор, протиснувшись сквозь толпу, завел приятеля в дверь с табличкой «Посторонним В», а Дольчикову Мила потащила в другую сторону.

— Пошли! — выдохнула Настя и схватила Даню за руку.

Как бы невзначай. Как бы в поисках поддержки. Ах, какие у него пальцы!.. Так бы и держала, не отпускала...

Даня следом за ней вскочил с кадки, чуть не выронив толстую книгу под названием «Тихий Дон».

— Простите! Простите, пожалуйста!

Дольчикова оглянулась.

— Можно автограф? — глядя очень-очень преданным взглядом очень-очень преданной поклонницы, выпалила Настя. — Я так вас люблю! Во всех картинах! Вы необыкновенная! Особенно в «Романсе о любви»! И в «Диких снегах»!..

Дольчикова молчала, поджав бескровные губы. В душном коридоре повеяло дикими снегами, возможно, даже льдами.

— Ну, пожалуйста! — Настя покраснела. — Просто автограф.

— Свет, я наверх, — сказала торопливая Мила. — Увидимся, да?.. Ты только после к Игорю Марковичу зайди!

— Да я сначала покурю!

Мила махнула рукой и помчалась по лестнице через две ступеньки.

— Романс о любви — звучит как-то глупо, — ни с того ни с сего брякнул Дания. — Нет, просто других не бывает! Не бывает романса о... пришельцах или, допустим, о танках.

Знаменитая актриса посмотрела на него, взгляд у нее потеплел.

— Названия фильмам даем не мы, — сказала она низким голосом, почти басом. — Давайте, где расписаться?..

Вытащила у него из-под мышки «Тихий Дон», — Дания проводил книгу глазами, — и шикарно расписалась на титульном листе.

— Это мне! — вскричала Настя. — Спасибо, огромное вам спасибо! А можно еще селфи?

— Нет, — отрезала Дольчикова. — Ни в коем случае.

И энергично ввинтилась в толпу.

— Зачем она книгу подписала? — спросил Дания с досадой. — Она же не Шолохов!..

— Да какая разница, ведь подписала! — простонала Настя, упиваясь автографом и тем, что они вместе рассматривают «Тихий Дон».

М. Шолохов, а чуть пониже, с завитушками и росчерками — Светлана Дольчикова.

— Ты заметил, какие у нее часы?

— Нет, ну она же не Шолохов!..

— Прямо как медальончик на браслете висит! А селфи было бы круто! Хотя она без макияжа страшненькая такая, удивительно даже! — Тут Настя аж задохнулась от оглушительного озарения. — Слушай, бежим за ней, может, я ее просто сфотографирую тихонько и выложу! И как это я сразу не сообразила!..

— Нет, ну почему в книге?!

Настя искренне не понимала, какая разница, где именно расписалась великая Дольчикова. В книге — прекрасно, отлично, — автограф-то получен, вот он, есть что показать «друзьям» в интернете, есть что сунуть под нос бабке, которая в Настины успехи не верит ни на грош!..

— Бежим, бежим за ней!

Красавец Дания все хныкал над своим томом, а Настя тащила его в ту сторону, куда ушла Дольчикова. В толпе ее не было видно, впрочем, вряд ли она стала бы толкаться среди абитуриентов. Должно быть, поднялась на второй этаж.

Но и на втором, и на третьем этажах высоченные старинные двери оказались запертыми — с лестничной площадки деваться некуда. Стало быть, Дольчикова на четвертом!..

— А зачем мы бежим по лестнице? — неожиданно спросил слегка запыхавшийся Данила Липницкий. — Наверху тоже экзамены принимают?..

Но Насте некогда было отвечать на его нелепости!..

Добежав до четвертого, они оказались словно на скале над морем — внизу отдаленно и глухо гудело, а здесь тишина, безлюдье, пылинки, танцующие в солнечном столбе.

...Это все прекрасно, но куда девалась Дольчикова?..

В коридоре никого не было, и дверей никаких не имелось, единственная, словно «бальная», будто из фильмов про эту дуру Наташу Ростову, — резная, с начищенными медными ручками, на стене пыльная табличка «Репетиционный зал». Настя подергала — заперто.

— Вон там, кажется, еще какой-то выход, — сказал Даня.

Настя оглянулась. В противоположном торце коридора тоже были двери, а за ними свет, море света. Настя ринулась и потянула створку, та подалась.

— Тихо! — шепотом приказала Настя и нацелила в проем телефон. — Она там, я чувствую!.. Мы сейчас остороженько...

— Да что происходит-то?! — с громкой досадой спросил ее спутник, перехватил дверь, дернул и распахнул. Открылся выход на просторный балкон, весь засыпанный окурками. С балюстрады местами поотваливалась штукатурка. Старинная плитка вздыбилась, кое-где ее не было вовсе. В самом углу балкона дрожала листочками молодая березка.

— Никого, — упавшим голосом сказала Настя и опустила телефон. — А куда же она могла?..

И тут они оба ее увидели.

Светлана Дольчикова, знаменитая артистка, лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

— Прекрати сейчас же.

— Как ты думаешь, зачем она там легла?

— Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

— Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня Липницкий осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

— Она... почему она лежит?! — вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями — так ей вдруг сделалось страшно.

В детстве, испугавшись чего-нибудь, она кидалась бежать, бежать изо всех сил, зажмурившись и молотя по бокам кулачками, пока не добежала до спасения — матери, бабушки или теплого собачьего бока.

— У нас собака была, — заговорила Настя, вытирая обеими руками губы и трясясь, — большая, лохматая. Она везде за мной ходила. Ляпа, ее звали так, Ляпа. И умная!.. Она потом умерла. А... эта... — Настя показала подбородком, — тоже умерла, да?..

— Отойди во-он туда, — сказал Даня Липницкий. — Ляпа — хорошее имя для собаки. Какой она была породы?

— Никакой. У нее не было породы. Она просто с нами жила и была нашей собакой.

Даня поднялся, достал телефон и нажал кнопку.

— Пап, у нас странная история. Я с Ромкой на экзаменах, и кажется... — он вздохнул, — кажется, тут кого-то убили. Только что. Нет, в прямом смысле. Нет, я не перегрелся. Нет, не шутка. Нет, я не спятил. Убили девушку, мы только что видели ее... живой и здоровой. Мы были на первом этаже, а сейчас на четвертом. И она лежит... на балконе. Папа, послушай!..

— Светлана Дольчикова, — пискнула Настя. — Знаменитая артистка!..

— Знаменитая артистка, — повторил за ней Даня. — Я вызываю полицию. Хорошо, понял. Вызываю и жду тебя. Папа, я все понял.

...Люди в синей форме как-то моментально и непонятно разделили огромную толпу абитуриентов и экзаменаторов на группы и рассадили по разным классам. Настя и Даня оказались вместе с ректором Серебряйским, тем загорелым дядькой, что приехал с несчастной Дольчиковой, Милой и членами приемной комиссии, которые не стали слушать, когда она читала про «скобки года». Настя время от времени вспоминала об этом как о чем-то пережитом давным-давно и тогда переставала дрожать мелкой собачьей дрожью.

Потом Даня ей сказал, чтоб не тряслась, и тогда она совсем перестала.

Все молчали и чего-то словно бы ждали. Загорелый дядька хмурился и посматривал на часы, как будто прикидывал, когда закончится некое досадное недоразумение, задержавшее его.

Вдруг дверь распахнулась. Все разом оглянулись. На пороге возник лохматый парень, обвел взглядом сидящих и стоящих и вскричал:

— Игорь Маркович!.. Вы здесь, слава богу!

— Чего тебе, Аллилуев?

— А меня к вам послали! Я и пришел! Говорят, только вы знаете!

— Чего знаю, Аллилуев?

— Да чего дальше делать с засраками! Их опрашивают, отпускают, а никто не уходит. Все ждут. Кто списков, а кто не успел прослушаться хотя, чтобы новую дату объявили...

— Не части, Аллилуев, и так голова раскалывается! Сейчас я... Пойдемте, что ли, Мария Григорьевна.

Та самая женщина из приемной комиссии, по слухам, гениальный педагог, махнула рукой:

— Ступайте без меня, Игорь Маркович. Все равно мы сейчас ничего не решим!..

— Засраки? — тихонько возмутилась Настя. Неприличное слово отвлекло ее от ужасных переживаний. — Это он про нас, про поступающих?! Да как он смеет!..

Даня Липницкий сбоку взглянул на нее.

— Вообще это очень старая шутка. Засрак — заслуженный работник культуры. В Советском Союзе давали такое звание, оно считалось почетным, но не очень. Сокрашение, понимаешь?.. Этот тип так называет абитуриентов, шутит.

Тут Настя разобиделась. Почему он с ней разговаривает, словно она малоумная?..

— А чего мы ждем, я не понимаю? — с ходу заговорил кто-то, как только за ректором закрылась дверь. — И сколько еще ждать?!

— Ждем следственных действий, насколько я понимаю, — ответила гениальная Мария Григорьевна с некоторым сарказмом. — А уж дождемся ли и когда, одному богу ведомо.

— Действий! Какие действия, когда в этих стенах, в этих...

— Священных, — подсказала Мария Григорьевна.

— Вот именно! Где бывал сам Вахтангов! И убийство!..

Тут заговорили все разом, словно им разрешили:

— А я давно выносила на собрание, что выход на пожарную лестницу нужно заделать! Она же с пожарной лестницы упала!

— Да с чего вы взяли!

— А там больше падать неоткуда!

— Светочка и не упала, ее убили, зарезали!.. Вон дети ее нашли зарезанную!

Все головы до единой как по команде повернулись к Насте и Дане.

— Здравсте, — пролепетала Настя и сделалась пунцовой.

— Так Светочка зарезанная была или нет?!

— Видите ли, — начал Даня Липницкий обстоятельно, но договорить не успел.

— Кто тут Морозова? Есть Морозова?

— Это я! — крикнула Настя. — Я!..

— Пойдемте со мной.

Настя кинулась за человеком в форме, даже не оглянувшись на своего сегодняшнего друга. Он ведь и правда как будто друг! Без него она бы пропала, совсем пропала во всей этой... жути!

...Про жуть молодые актрисы тоже писали в своих блогах, и Дольчикова писала. «Красиво до жути, до одури» — так она описывала съемки в каком-то польском городе, то ли в Кракове, то ли в Варшаве. И еще — мистически. «Мистически прекрасное место!»

И вдруг Насте стало так ее жалко, так жалко! Она заплакала бы, но тут из-за синей форменной спины полицейского посреди совершенно пустого и от этой пустоты странного коридора увидела... собственную мать!..

...Она-то что тут делает?!

Мать бросилась к ней, словно сто лет не видела, хотя расстались они утром и не самым лучшим образом: Настя требовала денег, а мать дала жалкую тыщу и клялась, что больше нету!..

Мать бросилась, обняла, прижала к себе, стала осыпать поцелуями — ну точно как в программе, где одни идиоты ищут других идиотов и делают точно так же, если находят!

— Настя, господи!.. Ты как?! Что случилось?! Почему ты мне сразу не позвонила?!

— Мама, отстань от меня! Зачем ты приехала?!

— Но ты... ничего? — Мать взгляделась в нее, опять обняла и прижала — разбирает ее! — Как ты все это пережила?!

— Мам, езжай домой, а? — прошипела Настя. — Тут серьезные дела, ты что, не понимаешь?..

— Вот именно, что серьезные, — подтвердил высокий мужик, очень красивый, хоть и старый. Настя неожиданно на него засмотрелась. На кого-то он был похож из артистов, непонятно на кого.

— Если понадобится моя помощь, всегда готов, — продолжал мужик, обращаясь к Настинной матери. — Мой тоже где-то здесь.

— Липницкий там, — человек в форме показал на экзаменационный класс. — Морозовы, за мной пройдемте!

...Так вот на кого он похож, красавец-то! На Даню!.. Должно быть, это и есть тот самый папа!

— Пройдемте, пройдемте!..

Мать держала Настю, как маленькую, и та даже вырвать руку не успела — все оглядывалась на красавца.

В кабинете с надписью «Посторонним В» сидели и стояли какие-то люди, в том числе и ректор Серебряйский.

— Ну вот, — сказал он, завидев Настю. — Они и нашли с тем мальчишкой.

Другой человек в форме, что-то писавший на разлинованной бумаге, мельком взглянул, задержал взгляд, словно оценил Настю с головы до ног.

Ей стало не по себе. И эта дурацкая лямка все время сваливалась с плеча!.. Да еще живот голый...

— Вы что? — спросил человек обидно. — С пляжа, что ли?..

Настя оглянулась на мать. Та кивнула успокаивающе.

— Почему... с пляжа? — промямлила Настя. — Я в институт поступаю... в этот!..

— Ты гляди! — удивился писавший. — Ну, присаживайся, присаживайся!.. Паспорт давай, поступающая! И вы, мамаша! Вы же мамаша, да?

Мать протянула паспорт, словно он был у нее заранее заготовлен, а Настин куда-то запропастился. Она рылась в рюкзаке, встряхивала, переваливала на коленках, вынимала, засовывала обратно — нет паспорта, и все тут!..

— Украли? — спросил облаченный в форму.

— Насть, дай мне рюкзак, я найду, — тихонько велела мать.

Настя сунула ей рюкзак, и — о чудо! — паспорт моментально нашелся.

...Мистически, сказала бы Светлана Дольчикова, которую убили на балконе.

— Зовут меня товарищ майор Мишаков, — представился офицер и вздохнул. — Я буду вести дело погибшей Дольчиковой. Все показания записываются по всей форме, так что не врать и не выдумывать чего не было!

— Не собираюсь я выдумывать, — пробормотала Настя.

— Ты несовершеннолетняя, — тут товарищ майор Мишаков взглянул в Настин паспорт, словно сверяясь, — так что только в присутствии родителей. Мать у нас в наличии.

Он выпростал из пухлой папки несколько дополнительных разлинованных листов, вздохнул еще горше и сказал Насте:

— Излагай.

— Ну, мы пошли по лестнице, — начала Настя, — потому что она в ту сторону ушла, а никого не было, понимаете?.. И двери закрыты. Я хотела селфи сделать, а она, такая, — ни за что. Ну, не накрашенная совсем, прямо белая, ужас. Я и подумала, сфоткаю потихоньку и выложу! А Даня все про книжку свою ныл, потому что она в книге расписалась, а он, такой, она же не Шолохов!.. А на четвертом этаже оказалось открыто, и мы вошли...

— Настя, — перебила мать осторожно, — ты рассказывай, пожалуйста, связно.

— Мама, отстань от меня!..

— Стало быть, — вступил товарищ майор Мишаков, — вы с Липницким отправились за Дольчиковой, чтобы ее сфотографировать, дошли до четвертого этажа, вышли на балкон и... потом чего было?

— Вот видишь, человеку понятно. Это тебе никогда ничего не понятно! — запальчиво сказала Настя матери, и тут майор Мишаков улыбнулся. Улыбнулся он именно матери — как-то особенно, подружески, словно давно и хорошо ее знал. Мать улыбнулась в ответ, и майор кивнул.

— Ничего, ничего, — сказал он, опять обращаясь именно к матери, — обойдется.

Настя не поняла, о чем он говорит, и оскорбилась — как он смеет улыбаться! Человека убили, знаменитую актрису, а он!.. Да еще это «обойдется»!

— Ты на часы не посмотрела? — спросил майор у Насти. — Когда на балкон вышла?

У Насти вдруг что-то словно сдвинулось в голове, она *вспомнила!*

— Часы, — выговорила Настя и с ужасом посмотрела на мать. — Часы пропали. У нее были часы, такие странные, в виде медальончика на браслете, а потом они пропали!.. Когда мы к ней подошли... ну... когда на балконе... часов на ней не было, я точно помню!..

Товарищ майор некоторое время недоверчиво смотрел на Настю, а потом зычным голосом повелел куда-то в сторону:

— Павлуш, сходи глянь, на потерпевшей часы в наличии?

— Да нет, — зачастила Настя. — Точно нет! Сначала она была в часах, такие, знаете, на медальончик похожи, он на браслете висит, я даже удивилась, я таких не видела никогда, а потом, когда мы ее нашли...

— Павлуша! — вслед уходящему крикнул майор Мишаков. — Еще в окрестностях пошукай, может, свалились. И вниз отправь кого-нибудь, чтоб в травке пошарили. Слышь, Павлуш?! — И снова Насте: — А сами вы, стало быть, с тела ничего не брали?

— Да вы что!..

— В вещах не копались? Кошелек, карточки, всяко-разно...

— Мама! Что он говорит?!

— Настя, тише, это такая работа. Тебе задают вопросы, ты обязана на них отвечать. Отвечай.

— Мам, я даже близко не подходила! Даня сказал: стань там и не подходи!

— Молодец какой, — похвалил Даню товарищ майор.

— Мы ничего не брали! — закричала Настя. — Вы что?! Не понимаете?

— На лестнице, на площадках никого не видели?

— Никого мы не видели! Я хотела сфотографироваться и выложить, а она не согласилась селфи со мной сделать, и я решила тихонько!.. Автограф дала, а на селфи не согласилась!..

— И где теперь тот автограф?

— В «Тихом Доне»! Это книжка, Даня читал! А она расписалась! И сразу к лестнице побежала!

— Ты сама видела?

Настя посмотрела на товарища майора.

— Ну, что она к лестнице побежала, потерпевшая? — продолжал тот очень серьезно. — Вроде в коридоре толпа, не протолкнуться, а она прямо бегом побежала? Ну?.. Чего?..

Настя снова посмотрела на мать. Странная штука — посмотришь, и сразу спокойнее как-то делается.

— Она как будто исчезла, понимаете?.. Я и подумала!.. Светлана Дольчикова среди абитуриентов вряд ли станет... толкаться. Она же великая актриса! Звезда! Думаю, наверняка на второй этаж поднялась! С той стороны только лестница и какие-то подсобки. Мы и пошли наверх. Но везде двери были закрыты!.. Только на четвертом выход на балкон, и оказалось открыто. Ну, мы вышли, а она лежит, понимаете? Прямо под пожарной лестницей, такой железной. Там рядом еще березка...

Майор Мишаков фыркнул:

— Курят они там, видите ли! Студенты эти театральные! Балкона им мало, непременно на пожарную лестницу лезть!.. Вот все лезут, падают и шею ломают, а товарищ майор давай разбирайся!

Мишаков дописал, поднял глаза и вздохнул:

— Еще Липницкий на мою голову, все одно к одному. Хоть бы Сидоров какой или Пахомов, так нет! Липницкий! — И снова принялся убористо писать.

Настя бурно заговорила, что Даня тут совсем ни при чем, что они все время были вместе, что это она его потащила за Дольчиковой, что он даже автограф не хотел брать, а потом страдал над «Тихим Доном».

Майор строчил свои бумаги, и видно было, что Настю он не слушает.

— Ну чего, Павлуш?..

Молодой человек наклонился к майорскому уху, зашептал, округляя глаза, и майор махнул:

— Пусть еще поищут. Внизу, сказал же!.. Чего там, кусты-растения? Пусть в кустах пошарят, мать их за ногу!.. Куда могли деваться часы эти гребаные?

— Слушайте, наверняка ее из-за часов убили! — выпалила Настя. — Точно! Ведь если они были, а потом пропали, значит...

— Мамаша, вот здесь подпишите, — перебил майор Мишаков. — И еще вот тут и там. Ну, где галочки. А ты особенно не возбуждайся, девушка. Мало ли, может, и не убивал никто, может, у нее... того... сердечный приступ, как в сериале. В сериалах у всех сердечный приступ обязательно бывает... рано или поздно... поздно или рано.

— Да не было у нее никакого сердечного приступа!..

— Товарищ майор, там Липницкий... нервничает слегонца.

— Так с ними полковник Левашов!..

— Протокола-то все у вас.

— Щас, щас подойду!.. И ты расписывайся, девушка, вот здесь. Если чего, вызовем. Явитесь тогда.

Настя еще выводила на бумаге свою подпись — у нее была очень красивая и трудная подпись, она много времени и бумаги извела, тренируясь. У настоящей большой актрисы должна быть настоящая подпись! Настя еще выводила, а мать уже тянула ее за руку, а майор в свою сторону тащил исписанную бумагу.

Вечно так!..

— Мама, езжай домой, — деловито заговорила Настя, как только они оказались в пустом, гулком и солнечном коридоре. — Мне тут надо... короче, я должна с одним человеком... И вообще! Зачем ты приехала?! Деваться от вас с бабкой некуда!..

— Граждане, проходим, не задерживаемся, — скучным голосом выговорил лопоухий сержантик. Он рассматривал табличку «Посторонним В». — Вы опрошенные?

— Опрошенные, опрошенные, — быстро ответила мать.

— Стало быть, до свидания!.. На улицу проходим!.. И сразу по домам, не толпимся.

Мать твердо взяла Настю за руку и сказала тоже неожиданно твердо, прямо отчеканила:

— Мы уезжаем. — Она почти никогда не говорила так с дочерью!.. — Мы здесь не нужны. Если мы понадобится...

— Да-а-а, понадобится, — протянула Настя. Мать волокла ее в сторону выхода, как норовистую козу. Коза упиралась изо всех сил. — Мать, ты че? Не догоняешь?! Мне еще с одним человеком нужно увидеться!..

Мать выволокла дочь на крыльцо, где оказалось полно народу — весь двор, вся улица были заполнены людьми, солнцем и почти не-

видимыми в весеннем солнечном торжестве всполохами полицейских мигалок, — напялила солнцезащитные очки, которые всегда носила на лбу вместо обруча, чтоб волосы в глаза не лезли, и сказала... нет, не сказала.

Гораздо хуже!

Мать *приказала*:

— Настя, в машину, быстро!..

Унизительно подталкивая дочь куда-то в область загривка, мать прогнала ее через толпу, дотолкала до машины, они сели и поехали.

Настя впала в такое изумление, что даже не сразу принялась вопить и биться, а решила для начала выяснить, в чем дело.

— Мать, чего происходит-то?! Ты чего... дерешься?!

Мать не отвечала. Пошарив в потрепанной кошелке, которую она почему-то считала дамской сумкой, извлекла телефон, позвонила бабке и сказала, что они едут. Вскоре будут.

— Да не поеду я на дачу, — осторожно начала Настя, — че там сейчас делать-то?! Мне надо... обратно, в институт, новую дату прослушивания должны назначить, Аллилуев приходил, и с ним ректор ушел, а Мария Григорьевна...

— Настя, закрой рот, — опять *приказала* мать. Настя послушно захлопнула, даже зубы лязгнули. — У вас на экзамене погиб человек, актриса. Ты это понимаешь?

— Вау! А ты понимаешь?!

— Если ее убили, дело плохо. Будет расследование. И тебе придется в нем участвовать! Не перебивай меня! — крикнула мать, когда Настя полезла было возражать. — Тебе придется отвечать на вопросы, вспоминать подробности, *доказывать*, что это не вы с тем мальчиком решили весело провести время и зачем-то спихнули Дольчикову с лестницы!..

— Мам, ты что?!

— Я ничего, а вот ты что?! Совсем дура, дочка?! Нечего там тереться, среди поступающих! И не смей ничего выкладывать в интернет! Ни-че-го!

— Это как? — совсем уже потерялась Настя. — А как же я расскажу, что мертвую Дольчикову нашла?

— Никак, — отрезала мать. — Ты никому и ничего не расскажешь.

— То есть всем можно, а мне нельзя?!

— Про «всех» я не знаю. Я не знаю, кто такие «все»! А тебе я запрашаю.

— Ха-ха-ха, — осторожно сказала Настя. — Приветтики-покасики! Ты с ума сошла, что ли?

Мать быстро и твердо на нее взглянула.

— Если я узнаю, что ты хоть что-то выложила в интернет — вот из того, что сегодня происходило в институте, — я заберу у тебя телефон, планшет и компьютер. И это не шутка и не угроза. Я именно так и сделаю.

Настя скосила глаза.

Ужасно, но мать, кажется, действительно не шутила! Ее собственная мать, рохля, мямля и толстуха, вечная бабкина подпевала и подкаблучница!..

— А я тогда уйду из дома! — Это был пробный шар, и он пролетел мимо лузы.

— Скатертью дорога, — сказала мать. — Восемнадцати тебе еще нет, майор Мишаков моментально тебя найдет и вернет по месту жительства. Возьмет подписку о невыезде. Ты свидетель убийства.

— Хорошо-о-о, — протянула Настя с угрозой в голосе. Раньше такой ее тон всегда действовал на мать. Та пугалась и сразу все разрешала. — А что мне еще запрещается ни с того ни с сего?! Фотки выкладывать нельзя, обсуждать нельзя, что еще?

— Выдумывать, чего не было, — сказала мать. — Вот как ты выдумала про часы.

— Да ничего я не выдумала! — наконец в полный голос заорала Настя. Мать обвинила ее несправедливо! — Часы на самом деле пропали! Что?! Съела?!

— Может, и пропали. Но с чего ты взяла, что Светлану Дольчикову... что Светлана Дольчикова погибла именно из-за них?! Да еще стала излагать свои соображения этому майору?!

— А что?! Нельзя?!

— Нельзя, — отрубила мать. — Ты должна отвечать на вопросы, если тебе станут их задавать, и говорить только правду. Все свои домыслы ты можешь рассказать мне или бабушке. Мы послушаем.

— Мать, ты че?! Ты совсем, что ли?!

— Тема закрыта, — объявила мать. — Вылезай, приехали.

Оказывается, они и вправду приехали. Дождик прошел, пока ехали, — Настя не заметила никакого дождя! А теперь возле родной калитки с одной выбитой, как зуб, штакетиной стояла большая весенняя лужа.

— Между прочим, — вдруг сказала мать весело, словно они не ругались всю дорогу, — замечено, что весенние лужи отличаются от осенних. Особенно майские. Смотри!

Настя как дура уставилась в лужу.

— Осенняя всегда темная, дна не видно, и в ней желтый лист плавает или жухлая трава. А весенняя прозрачная, не стоячая, вода ручейком уходит, и березовые почки нанесло, должно быть, ветер был сильный.

— Тонечка! — прокричали от соседних ворот. — Наше вам! Вы из мегаполиса? Как дорожная обстановочка?.. Здоровье Марины Тимофеевны как?

Мариной Тимофеевной звали Настину бабу.

— Дебил, — сквозь зубы пробормотала Настя и вброд через лужу ушла на участок.

Калитка влажно хлопнула ей вслед.

Этого соседа Настя ненавидела, вот просто — ууух как!.. Вот как ненавидят... врага!.. Он и был враг. Он строил глазки Настинной престарелой матери! Молодой лосяра при всех делах — «Лендровер», льняной пиджак, зимой стеганая куртка на клетчатой подкладке, знаем мы эти английские клетчатые подкладки, меховые мокасины, белоснежные рубашки, вечно в солнцезащитных очках, на участке у него красотища, как в журнале «Современная усадьба»!

И вот это чучело позволяло себе кокетничать с матерью, а та велась — противно хохотала, когда он с ней шутил, поводила плечиком, волосы откидывала так и эдак, гадость какая!..

Если б отец был жив!.. Если бы только он был жив!..

Мать с соседом продолжали амурничать у калитки, когда путь Насте преградила бабка-змея. Должно быть, в кустах таилась, поджидала.

— Настя.

Внучка решила ни за что не останавливаться. Она сразу поднимается к себе в комнату и там...

...А что там?.. Даже фотки не выложишь! Совершенно ясно, что мать распоясалась. И совершенно ясно, что, если Настя ослушается, ее лишат доступа к мировому разуму, и тогда она погибла! Погибла окончательно и бесповоротно, вот как... Дольчикова!

— Настя.

Внучка круто обернулась.

— Что тебе нужно?

— Я знаю, что произошло, — сказала бабка негромко. — Ужасное несчастье, бедная девочка. Но все-таки скажи мне, как ты ответила? Ты ведь успела... проэкзаменоваться?..

— Успела, — прояммила Настя.

Тут как-то нахлынуло все: и экзамен, и страхи, и точная Настина копия среди поступающих — прямо сестра-близнец, — и лохматый ректор, прервавший ее, как только она начала читать про «скобки года», и «ужасное несчастье с бедной девочкой», и как они сидели на кадке

с Даней, а потом в толпе увидели ту самую Милу, а с ней Дольчикову — ведь в ту минуту Насте даже в голову не могло прийти, что знаменитая актриса, худенькая, маленькая, бледненькая девчонка, казавшаяся на экране значительной, высокой и взрослой, доживает свои последние минуты. Их осталось всего ничего.

Вот-вот она распишется в «Тихом Доне» и умчится по лестнице. Там, куда она умчится, кончится ее жизнь.

Навсегда. Насовсем.

...Даня сказал ей что-то о том, что не бывает ромansa о космических кораблях и танках, и вообще романсы бывают исключительно о любви...

...Какая разница, о чем бывают романсы, если кончилась жизнь? Окончательно кончилась! Дождь налил весеннюю лужу, но это уже неважно. Больше нет и не будет луж — ни весенних, ни осенних. Поэтому что больше не будет жизни!..

Настя ткнула рюкзак на темную скамейку под мокрый куст сирени, сразу же окативший Настину спину ледяными каплями, закрыла лицо руками и зарыдала.

Бабка подошла и обняла.

В бабушкину жилетку какого-то необыкновенного норвежского войлока — он служил поводом для особой гордости, и бабкина гордость за этот норвежский войлок страшно бесила Настю — она рыдала про «скобки года» и про то, что жизнь кончилась моментально и навсегда, и еще про свой страх, и про майора Мишакова с его идиотскими подозрениями, и про Даню, с которым ей так и не дали поговорить!.. Ведь ей просто необходимо было поговорить с Даней, а их... разлучили, разлучили.

Бабушка стояла молча, обнимала крепко, чуть-чуть похлопывала по спине.

— ...Главное, она же просто пошла курить! Она так и сказала этой Миле! Или Мила сказала, я не помню, а потом, понимаешь, мы ее увидели, и она так лежала, с пожарной лестницы упала прямо на балкон... А Даня мне велел, чтоб я не смотрела и не подходила! Он как-то сразу сообразил, понимаешь? А я не сообразила!..

— Понимаю, — согласилась бабушка. Полой жилетки норвежского войлока она укрывала трясущуюся внучку, потом сняла жилетку и накинула на нее.

— И часики у нее такие... странные были, на браслете висели, я никогда таких не видела! А потом они пропали!

— Пойдем, — вдруг предложила бабушка. — Я тебе покажу одни. Может, похожи?

Настя кулаками вытерла глаза, из которых все равно лило, и посмотрела на бабушку.

— Что покажешь?

— У меня есть часы, похожие на медальон на браслете, как ты говоришь. Пойдем, я тебе покажу.

Поддерживая друг друга — вернее, бабушка поддерживала и направляла Настю, и еще несла ее рюкзак, — они взобрались на крылечко.

— Настюш! — закричала мать. Оказывается, она не миловалась у калитки с залихватским соседом, а давно была дома! — Иди скорей, ванна наливается!..

Вдвоем с бабушкой они очень ловко раздели Настю, запихнули в ванну, и мать ей еще и голову помыла!..

— Лейся, лейся, водичка, умывай Насте личико, чтобы глазки блестели, чтобы щечки адели, чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок, — приговаривала мать, поливая Настю. — Это такая специальная приписка от сглаза, и когда я тебя маленькую купала...

— Я помню, — пробормотала Настя, уворачиваясь от напористых струй. — Мам, чего ты, я не маленькая давно...

...Но мать все равно вытерла ее — волосы промокнула отдельным полотенцем и до самых кончиков, — велела одеваться и вышла из ванной.

Настя долго вздыхала, жалея себя, а потом стала рассматривать в зеркале собственное лицо — с печатью глубокой тоски.

Тоска на собственном лице показалась ей идиотской и отвратительной.

Какая у нее, Насти Морозовой, может быть вот сейчас, сию минуту тоска?! У нее все в порядке, она дома, и мама вымыла ее душистым мылом, как когда-то в детстве, и бабушка приголубила и пожалела, и они обе рядом с ней, Настей, но самое, самое главное — она жива! Она живет! И можно прямо из ванны побежать рассматривать весеннюю лужу — чем они там отличаются от осенних!..

Прыгая на одной ноге, Настя кое-как натянула джинсы — и их, и футболку мать принесла самые правильные, любимые, сильно ношенные, — и побрела на кухню.

Обе, мать и бабушка, негромко разговаривали, и, видимо, о ней, Насте, потому что замолчали, как только она вошла.

Еще утром она затеяла бы скандал. Еще утром она принялась бы выяснять, о чем это они говорят у нее за спиной, наверняка осуждают, да?.. Да?! Насте даже показалось, что и мать, и бабка словно *ожидают* скандала, но она простила их. В эту минуту.

Они же не знают. Они не видели.

Они не могут знать, как это страшно — когда вдруг не стало человека, совсем девочки, которая просто приехала потусить среди абитуриентов, вон даже не накрасилась!..

— Ничего, ничего, — сказала бабушка ободряюще.

— Очень жалко, — добавила мать. — И родители! Я даже и не знаю, кто у нее родители, где они...

Настя и это пропустила мимо ушей — так на нее подействовала смерть Светланы Дольчиковой! Ну, откуда матери могут быть известные родители Дольчиковой?! Где ее собственная мать и где родители звезды?! В разных галактиках!

Бабушка ловко выставила перед Настей чашку бульона — из чашки торчала бодрая куриная нога, — и блюдо пирожков, крохотных, горячих!.. Настя, обжигаясь, принялась пить бульон, куриная нога мешала, и пришлось выволочь ее на тарелку и заедать поочередно пирожками и ногой.

— Боже мой, — пробормотала бабушка.

Мать, пригорюнившись, смотрела, как дочь ест.

Настя допила бульон, вытерла пальцы о джинсы и взяла в каждую руку по пирогу.

— А этот мальчик? — спросила бабушка негромко. — С которым ты была?.. Он из поступающих?

— Да не-ет, я же говорю! Он с другом ходит, просто так. Он в прошлом году поступил... я забыла название... для каких-то африканцев... Он «Тихий Дон» читал, сидел на кадке, а больше сесть было некуда, и я тоже села...

— Позволь, он что же? Африканец?

Тут Настя вспылила — ну что, в конце концов, за тупость, а?!

— Бабуль, какой он африканец?! Институт так называется, не помню!.. Для африканцев!..

— Стран Азии и Африки? — предположила мать, и дочь, запихивая в рот пирожок, согласно замычала — да, да, именно!..

— А мне с ним даже поговорить не дали, — прожевав, выговорила Настя, и слезы вновь хлынули у нее из глаз. — Мам, ну, почему?! Зачем ты меня сразу уволокла-то?! Ну, так нечестно даже!..

— Подожди, подожди, — быстро сказала бабушка. — Давай я тебе чаю налью.

— Пейте сами ваш чай противный!

— Посмотри, такие часы были у... той бедной девочки?..

Бабушка выложила перед ней на скатерть странное украшение. Довольно увесистая цепочка, пожалуй, немного шире обыкновенного браслета, на цепочке овальный медальончик с выпуклой крышкой.

На крышке какие-то переплетения и три камушка — два красненьких и один зеленый.

Настя потрогала выпуклую крышку, шмыгнула носом и подняла глаза на бабушку.

— Где ты взяла?.. Ба, где ты их взяла?!

Марина Тимофеевна помолчала немного.

— Ну, не может быть, чтоб *те* были точной копией *этих*. Посмотри внимательно. Возьми! Возьми и посмотри, не бойся!

И они переглянулись с матерью.

Цепочка-браслет оказалась тяжелой и холодной, и медальончик болтался на ней — весьма увесистый.

— Вот так открывается, — и бабушка поддела ногтем крохотный замочек с завитком.

Выпуклая крышка откинулась, тонко прозвенел механизм, и внутри оказались часики — без всякого стекла, ничем не защищенные и от этого странно рельефные стрелочки и циферки.

— Где ты их взяла, ба?!

— Похожи?

— Очень! — сказала Настя, закрыла и опять открыла крышечку. — Только у нее никаких камушков не было и переплетений тоже...

— Какие переплетения! — Бабушка забрала у внучки часы-медальончик и стала показывать. — Это монограмма моей бабушки, твоей прапрабабушки Анастасии Павловны Марзуцкой. Видишь буквы? А, П, М? И в каждую вделан камушек. Замок давно сломан, я все собиралась сделать, да так и не собралась...

— Наверное, придется звонить майору, — ни с того ни с сего сказала мать. — Как это у них называется?.. Примета?..

— Улика! — перебила Настя с возмущением. — Ба, где ты взяла эти часы?!

— Они достались мне по наследству, — насмешливо ответствовала бабушка. — Об этом легко догадаться, потому что раньше они принадлежали моей бабушке, затем моей маме, а теперь мне.

— Кто-нибудь что-нибудь объяснит? — спросила Настя и тяжело задышала. — Хоть кто-нибудь! Хоть что-нибудь!

— Тонечка, налей нам чаю, — распорядилась бабушка. — Этот медальончик переделан из дамских часов девятнадцатого века. Тогда не носили наручных часов. Были длинные цепочки, а сами часы прятались в специальный карманчик на поясе.

— Я видела в сериале «Пуаро», — сердито сказала Настя.

— После революции носить такую длинную золотую цепочку стало уж совсем небезопасно, да и как-то неприлично, кроме того, золото

изымали. Если бы ты больше читала, а не только смотрела сериалы, ты бы знала, например, про магазины «Торгсин»...

— Мама, — вмешалась Тонечка, — нам всем хорошо бы побольше читать, а пока ты рассказывай!

И Настя с благодарностью посмотрела на мать. Надо же, заступилась за нее! А то вечно они с бабкой дуют в одну дуду: Настя мало читает, много времени проводит в социальных сетях и прочее трали-вали, как у всех.

У всех молодых проблемы со стариками, вот у всех!.. Только у одной Марьяны мать крутая блогерша и полное единство интересов!..

— Я уверена, что таких переделанных часиков осталось немного, — продолжала бабушка. — Редко кто сдавал в «Торгсин» просто кусок цепочки! Проще сдать вещь целиком, да и выгоднее. Когда ты сказала, что у... бедняжки были часы в виде медальона, висящего на браслете, я сразу вспомнила про свои. Наверное, действительно нужно позвонить майору, или кто он там, и показать, какие именно были часы. Вполне возможно, ему это как-то поможет.

— А они что? — с подозрением спросила Настя, отхлебнула чаю и сморщилась — горячо! — Очень дорогие, что ли?..

— Ну, не очень, конечно. На скифскую коллекцию Эрмитажа не потянут, не надейся. — Бабушка обрела всегдашний свой тон, казавшийся внучке насмешливым и холодным. — Но здесь довольно много золота, да и «Брегет» такой давности сам по себе чего-нибудь да стоит, но дело-то не в этом! Дело в том, что у...

— Бедняжки, — подсказала мать, и Настя недоверчиво на нее посмотрела — смеется над бабкой? Неужели?..

Но Марина Тимофеевна не дрогнула.

— У бедняжки они откуда-то взялись, а потом, насколько я поняла, пропали! Я правильно поняла?

— Значит, из-за них ее и убили! — закричала Настя. — Я говорила, говорила!..

— Эхскьюз ми, лейдиз, — раздался голос, и все три леди вздрогнули и оглянулись. — Итс ми. Тонечка, ваша машина перегораживает мои ворота!

Мать подскочила и захлопала крыльями, как всколыхнувшаяся кура. Еще бы, такое событие — чучело явилось с соседнего участка! Настя взяла свою кружку и ушла из-за стола в самое дальнее кресло, в эркер, за этажерку.

— Если вы дадите мне ключи, я сам загоню вашу машину. Какая интересная вещичка! Что это такое? Медальон?

— Часы, — объяснила Марина Тимофеевна. — Переделанные дамские часы. Когда-то... впрочем, неважно.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Хотите чаю?

Насте из-за фикуса было ничегошеньки не видно. Зачем бабка так поставила этот самый фикус да еще этажерку придвинула?! Специально, что ли? Чтобы за всеми шпионить?!

...Шпионить отсюда отлично, только вот не видно ничего!..

— Занятная штука. Ее бы починить, привести в порядок!..

— Да никак не соберусь.

— Мама, я поставлю машину в гараж и вернусь.

— Тонечка, я бы и сам мог!..

— Выпейте лучше чаю, Дмитрий. Я сегодня пекла, угощайтесь.

— Таких пирогов, как у вас, — восторженно выговорило чучело, — я не ел больше нигде!.. Потому что больше нигде таких нет!

...Дебил, подумала Настя под фикусом, идиотина!..

— Как ваша девочка? В театральном институте такое ЧП случилось, весь интернет переполнен сообщениями! И жаль эту артистку... я забыл фамилию...

— Настя держится молодцом, — проинформировала бабушка довольно холодно. — Настя, ты ведь держись молодцом?

— Да, — мрачно подтвердила Настя из-за фикуса.

— Ты здесь, — удивилось чучело, — а я думал, ушла! Там ведь еще Липницкий каким-то боком причастен. Но про него информация появилась только вначале, а потом сразу все поудаляли, как обычно. Свобода слова!.. Ну, посмотрим, как он станет выкручиваться! Дело-то серьезное, как-никак убийство!

Настя вскочила, задела этажерку, на ней закачалась какая-то фигура, Настя поймала ее и кинула в кресло.

— Липницкий? — выпалила она, подлетев к столу. — А что такое? Мы с ним вместе Дольчикову нашли, на балконе, на четвертом этаже.

— Так об этом и речь, — сказал сосед весело. — Можно еще пирожок, Марина Тимофеевна?.. Липницкий точно замешан, теперь не отмажется! Столько лет сухим из воды выходил, а тут — бац! — и получил по голове! Да еще откуда не ждали, от сыночка-тихушника!

— Кто и от чего не отмажется?!

Сосед страшно удивился:

— Но ведь... как бы это помягче... эль скандаль вышел с сыночком в главной роли!.. А сын Липницкого вообще никогда ни в каких скандалах замечен не был, можете себе представить? Он, по-моему,

даже машину не водит!.. Ему папаша запрещает, должно быть, чтоб он, случаем, кого не переехал, — и чучельный сосед захохотал.

Бабушка и внучка смотрели на него с одинаковым выражением, одинаково подняв брови. Сосед перестал хохотать.

— Э-э... я что-то не то сказал?

— Объясните нам, в чем дело, Дима.

...Вот это да!.. Вот бы Насте научиться так говорить! Вот бы ей освоить такой тон!.. Главное, ничего и не сказано, подумаешь, но сосед как-то моментально присмирел, утих, прожевал, вытер пальцы салфеткой и заговорил совершенно по-другому.

— Андрей Данилович Липницкий — генерал, сейчас в отставке, но при делах, чего-то там такое возглавляет, как все они, приближенные. Вы что... не слышали о нем? Да он член Президентского совета!

— Я слишком далеко от Президента и его советов, — проинформировала Марина Тимофеевна. — За их жизнью не слежу.

...Вот молодец бабка!.. Вот умница! Так его, так!.. Мочи соседа!..

— Ну, не может быть, чтоб не слышали, — словно бы даже укорил сосед. — У него единственный сын, этот самый, который сегодня вляпался в скандал на весь мир.

Настя хотела было закричать, что никуда Даня не вляпался, что они просто на кадке сидели, а потом просто пошли по лестнице и просто нашли несчастную Дольчикову, но тут бабка так на нее взглянула, что ничего этого Настя кричать не стала.

Больше того!.. Под скатертью бабушка нашарила Настину руку и энергично пожала.

Настя поняла — это знак молчать!

...Вообще-то она сообразительная.

...Хотя вот ведь не сообразила попросить у Дани телефон.

И — тоже если б вовремя сообразила! — ни за что не стала бы читать тому лохматому ректору про «скобки года».

— ...Жена Липницкого-старшего давно умерла. История темная. На самом деле блогеры пробовали копать, но так и не раскопали ничего — болела, померла, и точка. Сейчас сто процентов заново начнут разбираться, как это так, была жена и вдруг умерла!..

— Бывают болезни, от которых умирают, — заметила Марина Тимофеевна. — Таких болезней довольно много.

— Люди — да, умирают, — согласился сосед убежденно. — Но ведь не жены генералов и начальников управлений!.. В общем, есть сын, совсем мальчишка, лет девятнадцать. Он есть, но его нет нигде, отец прячет, представляете?! То есть вообще нет. Не существует! Призрак!..

— Дима, я машину убрала, можете заезжать, — громко объявила Тонечка, появляясь под лампой. Она улыбалась, на щеках играли ямочки.

Настина мать всегда так улыбалась этому чучелу, всегда!..

— Я не совсем поняла, — Марина Тимофеевна налила Тонечке чаю. — Что значит — призрак? Что значит, не существует?

— Ба, это значит, его нет ни в каких соцсетях, — мрачно проинформировала Настя.

...Интересно, если и вправду нет, как она станет его искать?..

— Да мало этого! — с энтузиазмом подхватил сосед. — Этот сын вообще нигде, никогда и никем не упоминается!.. Должно быть, папаша специальную службу завел, которая отслеживает!.. В Сети фотографий нет. Где отдыхает, непонятно. Где учится, никто не знает. Где живет, в Лондоне или, может, в Монако, никаких сведений!.. Где одевается, у каких кутюрье, с кем дружит, спит — не известно ни-че-го! А может, его в подвале держат, этого сына?..

И сосед Дима отправил в рот еще один пирожок.

Настя попыталась вспомнить, во что Даня Липницкий был одет. В какие-то вельветовые штаны, пожалуй. Они были ему великоваты, съезжали, он время от времени поддергивал. Еще... футболка белая... на пузе пятно, он сказал, что мороженое ел и уронил, а сверху рубаха клетчатая накинута. Да, и кеды!.. Синие с белым или красные с синим, что ли.

Дружит с Ромкой, который в прошлом году завалил прослушивания во все театральные вузы. Теперь ходит с ним для моральной поддержки. Настя этого Ромку так и не увидела.

Учится в институте для африканцев. Читает «Тихий Дон».

Вон сколько всего!..

— Даже про подружку никто ничего не знает, — продолжал сосед Дима. — В прошлом году его сфотографировали с какой-то французской моделькой, но тоже непонятно, фейк или нет. Фотки со всех сайтов тут же удалили. А может, он голубой! Может, отец его поэтому и прячет! У нас, в посконной и домотканой, мировые тренды не в чести, нам танки подавай и «катуши» на Красной площади!..

Все помолчали.

— И вдруг сегодня этот принц китайский, на которого даже смотреть нельзя, оказывается на месте убийства знаменитой артистки... забыл фамилию. И никакой информации! Словно не было его!.. А он точно был и скорее всего замешан! Иначе зачем тогда всю инфу из Сети удалять?..

Настя опять хотела было завопить про кадку, на которой они сидели вместе с «принцем китайским», но бабушкина уверенная рука

не дала. Сухие пальцы пожали Настину влажную ладошку, и Настин рот послушно закрылся.

— А может, у него с ней и был роман, с этой артисткой... как же фамилия... и он ее убил... Ну, надоела, он и убил.

— Это вряд ли, — быстро и твердо сказала Марина Тимофеевна. — Уверена, что его отец, если уж он на самом деле такой большой человек, как вы рассказываете, нашел бы другой способ избавить сына от нежелательного знакомства, скажем так.

— А вдруг он псих, этот парень? Может, он и мать того... прикончил?.. Нужно в Сети почитать, что пишут, сегодня только про это убийство и говорят!

— Почитайте, почитайте, — напутствовала Марина Тимофеевна. — А потом нам расскажете!..

Сосед понял, что пришла пора откланяться, мать пошла его провожать, и бабушка с внучкой остались вдвоем.

— Ба, — сказала Настя, помолчав. — Но ведь это все... бред. И вранье!..

— Что именно, Настя?

— Про Даню! Никого он не убивал, мы с ним все время вместе были! Учится он в этой Африке вашей, а не в Лондоне и не в Монако. На футболке пятно, и кеды грязные!..

Бабушка убрала со стола тарелку и чашку соседа.

— Во-первых, мы даже не знаем, о ком идет речь. Ведь это все нам Дима рассказал, а он может... напутать!

— Ничего он не напутал! — перебила Настя. — Там все замечались, когда приехал «сам Липницкий»!

— Во-вторых, — тут бабушка пристально взглянула на внучку, — ты *на самом деле веришь* тому, что пишут в этом вашем интернете?

— А что такое?! — моментально завелась Настя. — Можно верить только тому, что говорят из этого вашего зомбоящика? Из телевизора?..

— Боже сохрани, — пробормотала бабушка, и мать засмеялась.

Оказывается, она не амурничала с соседом на темном крыльчке под шум дождя, а вернулась в дом и теперь качалась в старинном кресле. Кресло поскрипывало.

— Для того чтобы разбираться хоть в чем-то, — начала Марина Тимофеевна, и Настя закатила глаза, — ну, например, в людях, не нужен ни телевизор, ни интернет. Нужно...

— Книжки читать, — перебила Настя, — знаю, знаю, давно в зубах навязло!.. А информация? Откуда мне брать информацию, если не из интернета? Нет, ты ответь!..

Она кричала, что без папы жизнь — сплошное мучение. Что в семье был талантливый человек — единственный, — и он единственный, кто смог бы понять свою талантливую дочь. Но его не стало, он ушел, покинул дочь, а мать и бабка совершенно с ней не считаются. Они не пестуют и не растят ее талант. Они не помогают ей ни в чем. Они гиены — да, гиены, которые пристроились возле человеческого жилья и таскают самые сладкие куски, ведь за отцовские книжки до сих пор платят, понемножку, но платят!..

Ни мать, ни бабушка никогда с ней не спорили в такие минуты, и от этого их молчания Настя чувствовала себя отвратительно!..

Мучительно было, что они обе словно... предают отца. Никогда не восхищаются им. Не разделяют Настин восторг. Не говорят о его книгах.

Это же... предательство! Худшее из возможных, потому что человек умер и не может защитить себя.

Его защищала Настя — изо всех сил, как могла. Став постарше, она придумала историю, что они с отцом с другой планеты, из параллельной вселенной. Здесь они оказались случайно, и отец не выдержал испытаний — улетел к себе, туда, где все правильно и надежно устроено, никто не предъявляет идиотских требований, не высказывает дебильных мыслей! Только зачем, зачем он бросил здесь Настю — одну? Совсем одну?! Как ей биться и сражаться с окружающим миром, если латы и меч так часто ее подводят, отказываются слушаться?.. Она вроде бы и надевает на себя всю необходимую амуницию, как в японском аниме, но дело не идет, никак не идет!

...Нет, мать с бабкой неплохие люди, можно даже сказать — хорошие. Мать добрая. Бабушка... н-да. Ну, бабушка... Нет, она образованная, конечно!.. Иногда приходит на помощь — вот как сегодня, когда Настя хотела пинками выгнать соседа из дома!

...Ну что бабушка?.. Старая совсем и отца не любила, кажется... Посредственности часто втайне презирают и боятся гениальных и странных людей. Просто от непонимания боятся...

В тишине и темноте своей комнаты Настя немного повздыхала на луну, думая об отце — как он там, в своем идеальном мире, вот она ему порасскажет, когда они встретятся! — открыла интернет и стала искать Даню.

...Когда она снова взглянула в окно, луны уже не было, свалилась за крышу дома, за голые ветки весенних деревьев.

Никакого Данилы Липницкого в интернете не было. Чучело-сосед врал-врал, а тут не соврал!..

На любые запросы все приложения отвечали одинаково — портретами статного седовласого красавца — вот про кого решительно

нельзя было сказать «старик»! — перечислением его должностей, регалий, прежних мест работы, глупейшими фотками, например, с папой римским или министром иностранных дел!

...На что они нужны, этот папа или министр?!

Самые хитроумные заходы тоже не помогали, как Настя ни ухищрялась. Самые продвинутые приложения отзывались все теми же портретами красавца, министрами и вице-преьерами.

Настя порассматривала портреты Даниного отца — ну, очень похож, просто удивительно!..

...Как она теперь найдет сына?.. Господи, у нее мог бы появиться друг, самый настоящий, и она его... проворонила. Как когда-то проворонила отца!..

Настя открыла окно — сразу стало холодно, почти морозно, — раскопала в куче барахла на диване какую-то толстовку, напялила, накинула капюшон и принялась смотреть в темноту.

...Все же, несмотря на глубокое и искреннее отчаяние, она немного видела себя со стороны и даже поправила волосы, чтобы они красиво свешивались из капюшона. Чтоб как в японском аниме.

Она его не найдет, это ясно. Наверняка после всего, что случилось, всесильный отец — загорелое и строгое лицо на мониторе — запретит сыну шататься на прослушивания в театральные вузы. А встретиться на улице или в кафе... надежды нет никакой.

А может, он тоже из параллельной вселенной, этот самый Даня?.. Вдруг он прилетал посмотреть, как здесь идут дела, и уже вернулся обратно? И сейчас, сию минуту рассказывает ее папе, что дочери плохо, страшно, что ей даже не дали прочитать про «скобки года», что ее никто, никто не понимает и ей не с кем поговорить, как хочется — власть, излить душу, вытащить из себя все самое трудное, не предназначенное для посторонних, что там, внутри, болит и ноет?..

Немного наблюдая за собой со стороны, Настя заплакала перед открытым в ночь окном. Потом забралась под одеяло, в несколько приемов спихнув на пол курган китайского ширпотреба. В ногах лежал плед, аккуратно и красиво сложенный, судя по всему, бабкой. Плед Настя натянула на себя.

За распахнутым окном было тихо-тихо, только потрескивало едва слышно — это лопались почки.

— Я совсем одна, — сказала Настя, и теплая слеза попала ей в рот.

Через три минуты, когда внучка уже крепко спала, в комнату вошла бабушка, закрыла окно, выключила компьютер, сочувственно поцеловала страдалицу и удалилась.

Тонечке так хотелось есть, что в животе урчало просто неприлично. Очередь к буфетной стойке была длинной и состояла почти из одних мужчин в пиджаках, а тут непристойное урчание, словно тигр рычит близости!..

Тонечка выхватила мобильный телефон, прижала к уху и заговорила сразу довольно громко:

— Нет, Кать, я не в офисе, я как раз на выезде. Сегодня совещание назначили, я сразу сюда поехала, а то в жизни бы не добралась!.. Да все нормально, как обычно, времени только много потеряли, но на совещаниях всегда так!..

...Возьму порцию сосисок. Нет, нет, сарделек!.. Сейчас мужик брал, там целых две сардельки!.. И еще горошек и половинка яйца вкрутую, политая майонезом. Еще возьму кофе с молоком и пепси-колу. И, наверное, «наполеон». Или лучше пирожное «картошка»? Да, возьму две «картошки», они в этом буфете сногшибательные!..

...Или лучше сосисок? Что ближе к ЗОЖу, сосиски или сардельки?..

Да ладно!.. ЗОЖ сегодня отдыхает. Сегодня время сарделек!

И еще возьму, пожалуй, бутерброд с копченой колбасой. Очень симпатичные бутерброды.

Рассматривая еду, Тонечка все продолжала нести какую-то ахинею в молчащий телефон, очередь двигалась небыстро, и вдруг ни с того ни с сего телефон зазвонил — прямо ей в барабанную перепонку!..

— Мам, это я, — мрачно сказала дочь. — Я уехала на пробы. Когда буду, не знаю.

— Настя, ты только телефон не выключай, — попросила Тонечка умоляюще.

— Мать, ты че? Совсем? Это же пробы! Про-бы!.. А если телефон зазвонит, когда меня будут снимать?!

Тонечка вздохнула.

...Вот бедолага. Ее единственная, горячо любимая дочь — бедолага и дурачишка. Кто там будет ее снимать? Что за пробы?..

Набрав еды, Тонечка ушла в самый угол — хорошо, что место освободилось, — стряхнула с пластикового стола крошки, расставила все так, чтоб было красиво, полюбовалась, оглянулась воровато, словно подружки по ЗОЖу и тренажерному залу могли сию минуту вбежать в буфет, чтобы осудить ее и отнять еду, и вцепилась зубами в сардельку.

Сарделька брызнула соком, обожгла небо, и это было такое наслаждение!.. Ах, какое это было наслаждение — откусывать от сардельки большие куски, торопливо жевать, обжигаться, утирать рот дохлой салфеточкой, запивать пепси-колой, вздыхать от счастья и предвкушать еще бутерброд, кофе и пирожное «картошка» — два!..

— Можно к вам? Мест нет совсем.

Тонечка с сарделькой в зубах согласно закивала, потом подняла глаза и...

...Елки-палки, лес густой, ехал Ваня холостой...

— Приятного аппетита.

— А-и-о, — промычала Тонечка с набитым ртом.

...Лучше бы в этот буфет явились разом все ее подруги по ЗОЖу и йоге. И осудили бы ее! И заклеямили!

И отняли бы бутерброд с сырокопченой колбасой и пирожное «картошка». Два.

— Что это вы едите? — спросил присоединившийся с подозрением. — Теперь никто не ест и не пьет!..

— Ну как?.. — проямлила Тонечка и оглянулась по сторонам. Перейти действительно некуда, все занято. — Хочется есть, вот и ем.

— А я, видите, пью! — он выставил на стол полный до краев стакан. Тонечка была уверена, что в стакане чай, — так много налито! — и только когда из стакана выплеснулось на стол, поняла: нет, не чай, виски.

— Помянем? — предложил сосед и вытянул из кармана неровно обломанную шоколадку в изжеванной фольге. — Помянем Светку, несчастную мою девулю!

Одним махом он влил в себя примерно половину стакана. Тонечка смотрела на него. Есть ей расхотелось.

Звали его Василий Филиппов, творческий псевдоним Ваня Сусанин. Он был режиссером, лет двадцать назад довольно модным, снимал мрачное кино, экспериментировал со светом и звуком — черно-белая пленка «с зерном», весь фильм под игру на расческе. О нем много говорили и писали, он «подавал надежды», на фестивале в Квебеке получил приз. Потом куда-то пропал на несколько лет, вроде бы стал дауншифтером и собирал ракушку на кромке прибоя в Гоа, а потом появился вновь. Взял псевдоним Сусанин Ваня и принялся снимать «молодежные комедии». Комедии никуда не годились — на Тонечкин вкус. Иногда у него брали интервью, он говорил, что задача его поколения не отставать от молодых, а опережать их. В каких именно направлениях Василий собирается опередить молодых, оставалось неясным.

— Убили Светку, — сказал режиссер и всхлипнул. — Девочку мою. Завистники и враги. И ты понимаешь, — тут он схватил Тонечку за запястье, ее рука описала в воздухе полукруг, кусок сардельки свалился с вилки и закатился под соседний стол, — они ведь меня убили! В меня стреляли и попали! Наповал!..

— Разве в Свету Дольчикову стреляли? — дергая руку, чтобы освободиться, тихо спросила Тонечка. — По-моему, все не так было...

— Да что ты знаешь?! — загремел Василий. С соседних столиков на них оглянулись и из-за стойки выглянула буфетчица. — Убили нас обоих! Ее и меня!.. Какая у нас была любовь! Такой сейчас не бывает! А у нас была!

Василий всхлипнул, глаза его налились слезами. Он допил виски, упал головой в локоть, плечи у него затряслись.

— Прошу прощения, Антонина Федоровна, можно вас на минуточку?..

Тонечка подскочила на пластмассовом стуле, словно буфетчица по неловкости плеснула на нее кипятку!..

Телевизионный царь и бог, продюсер всех времен и народов Александр Герман, у которого только что «совещались» десятка два сценаристов, и Тонечка в их числе, протягивал ей руку, словно они были давно и хорошо знакомы, лицо любезное. За его плечом мыкался официант, Тонечка знать не знала, что в этом буфете существуют официанты.

— Я хотел с вами кое-что дообсудить, — продолжал продюсер Герман даже более чем любезно. — Вы разрешите?..

Тонечка закивала.

— Вася, — обратился Герман к рыдающему режиссеру, — мы отойдем, с твоего разрешения?..

— Выпей со мной, Саша! — попросил режиссер, подняв залитое слезами, мягкое лицо. — Выпей за Светку, а?.. Хорошая же была девчонка!

— Вот это все ваше? — негромко спросил продюсер у Тонечки и, повернувшись к официанту, произнес: — Забирайте! Василию Павловичу больше не наливайте. Я сейчас позвоню в свою приемную, чтоб его домой отвезли. Вася! Вась!

— Сашка, какая девочка была! И ее убили! Злодеи, уроды! Любовь убили!.. И меня убьют!..

— Вася, езжай домой. Сейчас за тобой зайдут, и ты давай двигай потихонечку.

— Давай выпьем, Сашка!..

Продюсер Герман потянул Тонечку в сторону. Они зашли за зеленую стену, состоявшую из сдвинутых вплотную фикусов и пальмочек в кадках. Здесь оказался еще один стол, о котором Тонечка тоже не подозревала, как и о существовании официантов. Стол и стулья были деревянные, настоящие.

— Присаживайтесь! — продюсер Герман широким жестом указал на стул, официант проворно составил с подноса всю спасенную Тонечкину еду. — Я только позвоню, чтоб Васю домой отвезли, а то забудит, хлопот не оберемся. — И официанту: — Холодный кофе заберите, принесите горячий. И еще пепси-колы со льдом! — И в трубку: — Дина

Евгеньевна! Отправьте кого-нибудь вниз, в буфет, пусть Филиппова домой отвезут. Да, здесь, и не в форме!.. И чтоб прямо до квартиры...

Тонечка наблюдала.

Продюсер говорил негромко и уверенно, видимо, даже не подозревая о том, что кто-то может его послушаться или не выполнить указаний. Нужно особое умение, чтобы так говорить!..

Принесли кофе — над чашками поднимался пар, это указание выполнено, — и продюсер бросил телефон в рюкзак. У него был не портфель, а рюкзак. Должно быть, он тоже «опережал молодых».

— Вы Васю извините, — сказал он, боком подсаживаясь к столу. — Пьет сильно и... не по делу.

Тонечка пожала плечами.

— Да ничего особенного, — промямлила она. — Мне кажется, я его другим никогда и не видела. Можно, я поем?..

Продюсер изумился и словно спохватился:

— Конечно! Я, собственно, и решил подойти потому, что Вася вам есть не давал!..

...Ему на самом деле очень понравилось, как она ест! С таким восторгом и удовольствием. Нынче при еде принято жеманиться и кокетничать, как в давние времена перед кавалером, а эта просто с удовольствием ела!..

Он глотнул кофе, запил ледяной пепси-колой, быстро взглянул на соседку — она доедала сардельку, — и ему стало неловко.

Да ладно, сказал себе продюсер Герман.

— Я правда хотел еще раз с вами поговорить, — начал он, чтоб неловкость прошла. — Или сейчас не время?

— Самое время! — возразила Тонечка и нацелилась на бутерброд.

...Вот бы рассказать кому, что она обедает за фикусами в обществе самого знаменитого в России продюсера! И он еще с ней разговаривает! Но кому рассказать-то?.. Дочери нельзя. Матери бессмысленно — ее такие истории не интересуют.

Тонечке в голову не приходило стесняться, «держаться за спину» или как-то «соответствовать»! Этот человек, сидевший напротив, настолько далек от нее, водораздел между ними настолько глубок и широк, что ей не может быть дела до того, что он о ней подумает! Да он и не думает о ней!..

— На совещании было много всего сказано, но мне важно, чтобы героиня — вот эта будущая — все же имела какой-то человеческий облик, понимаете?..

Тонечка закивала, принимаясь за бутерброд. Какая разница, что он там говорит, этот человек из параллельной вселенной?..

— Ну, чтобы у нее были недостатки, проблемы, но не киношные, а как у людей.

Тонечка искоса на него взглянула.

...Да неужели? Великий продюсер хочет, чтобы сценарист написал про людей так, чтобы они были похожи на людей? Вот новости!..

— Александр... — тут она напрочь забыла его отчество, позорище какое!

— Называйте меня Сашей, — ни с того ни с сего брякнул продюсер. — А я вас стану называть Тонечкой. Вас редакторы так называют. Можно?

Вот тут она удивилась. И посмотрела на него. И перестала жевать.

— Можно, — сказала она осторожно.

...Что, вот прямо так — Саша и Тонечка?!

Вот бы рассказать кому-нибудь!.. Только некому, а тем, кому можно рассказать, нельзя ничего рассказывать!

Продюсер Александр Герман через пять, нет, через три минуты забудет о существовании сценариста Антонины Морозовой!

Тонечка придвинула к себе кофе и тарелочку с пирожными «картошка». Два пирожных!.. И предложила великодушно:

— Хотите?

— Хочу.

Они взяли по «картошке» и откусили.

— Саша, — начала Тонечка, наслаждаясь каждой секундой происходящего. — Всякий раз, когда пишу сценарий, я пытаюсь убедить заказчиков, что люди в кино должны быть похожи на людей, дети на детей, дома на дома, и так далее! И мне еще ни разу не удалось, представляете! А сценариев я написала... много.

— А... что мешает?

Тонечка засмеялась:

— Все в один голос говорят, что вы! Это не понравится Герману, Герман не подпишет такую заявку, под это Герман не даст эфирное время!..

— Ах, вот в чем дело.

— Ну, конечно! — Тут она воодушевилась. — Смотрите. Вот сериал, который на той неделе вышел. Я переписала сценарий двенадцать раз. Двенадцать, Саша, это не шутка!.. И каждый следующий вариант был хуже предыдущего! Я постепенно убрала оттуда все, что делает жизнь... жизнью. Сначала собаку — с ней много возни, ее неохота снимать. Ладно, хорошо, не будет собаки. Потом бабку. Бабка старая, некрасивая, никто не хочет смотреть на бабку, а все хотят на молодых. Не стало бабки, шут с ней! Потом осень пришлось переделать в лето, в сериале всегда должно быть лето, никто не хочет смотреть на осень!..

Александр Герман засмеялся.

— А что вы смеетесь? Я не выдумываю! Так и есть!.. Потом начались какие-то проблемы с режиссерами. Мне сто раз сказали, что мой сценарий настолько плох, что его никто не хочет снимать! Наконец-то нашли одного, вроде он согласился. И он переписал сценарий заново. Весь, от начала до конца!.. Он оставил только имена героев, а все остальное... переделал. Закажите мне еще кофе, Саша!

— Да, конечно.

— И все ссылаются на вас! Вы не дадите денег. Вы не дадите время. Вы не подпишете. Вы не разрешите.

— Плохо дело.

— Вот именно!

— Пирожное еще попросить?

— Да. Нет. Вообще-то я на диете.

— А!..

Из-за стены фикусов и пальмочек слышался буфетный гул и какие-то восклицания. Александр Герман раздвинул листья, выглянул и сказал озабоченно:

— Я сейчас вернусь. Только Василия домой снаряжу.

Пока он ходил, Тонечка допила пепси-колу, сыто вздохнула, отряхнула шоколадную пыль с пальцев и крошки с джинсов. В общем, приготовилась.

— Вот что, — сказал Герман, вернувшись. — У меня созрел план. Вы сейчас что собираетесь делать?..

Тонечка уставилась на него. Глаза у нее были круглые, темные. Ему казалось — веселые. Ему вообще казалось, что она какая-то веселая!..

— Я собираюсь поехать на работу и начать писать для вас заявку. Вот эту, про которую сегодня полдня совещались!..

— А вы быстро ее напишете?

— А когда нужно?

Тут он захохотал.

— Вообще-то как обычно — хорошо бы вчера.

— Тогда напишу быстро.

— Нет, не так. Заявку вы начнете писать завтра. А сегодня я вас прошу съездить со мной на «Мосфильм». Там кастинг в большой проект. Я вас прошу посидеть и послушать. Ну, просто послушать, как актеры произносят текст.

— Меня?! Я ничего не понимаю в актерах! И в кастингах!

— Зато в текстах понимаете, — сказал продюсер Герман так, что Тонечка поняла: его нельзя ослушаться или не выполнить указаний. Придется слушаться и выполнять, это как бы компенсация за то, что он с ней разговаривает и даже угощает кофе! — Вы на машине?

— Что вы, нет, конечно! Разве сейчас можно по Москве на машине?! Нигде не проедешь, и час стоянки пятьсот рублей!

— Отлично, поедем на моей. Да что это там Василий все бузит?!

Он оставил на столе деньги — довольно много, Тонечке так показалось, — подхватил свой рюкзак, вырулил из-за фикусов и пальмочек.

Тонечка поспешала за ним.

Режиссер Василий Филиппов вырывался из рук официанта и еще какого-то человека в костюме, которые пытались поднять и увести его. Вырывался он довольно ловко. Со всех сторон, из-за всех столиков на него смотрели, кто-то фотографировал.

Александр Герман подошел, твердо взял горящего под локоть, рывком поднял и повел. Тот пошел.

— Где машина? — не оглядываясь, спросил он у человека в костюме, рысцой трусившего следом.

— Прямо у входа, Александр Наумович!..

— Нужно было сразу увести, — с досадой говорил на ходу продюсер. — Нет, довели до скандала!..

— Да как его уведешь, Александр Наумович, если он... не идет?

Режиссер Филиппов вдруг вырвал руку, схватил Германа за плечо и сильно притянул к себе.

— Она знала, понимаешь?! — почти крикнул он продюсеру прямо в лицо. — Она все знала! За это и убили! И меня убьют, вот увидишь!

Тонечка насторожила уши и вытянула шею. Даже что-то хрустнуло в позвоночнике, так она сильно вытянула!

— Тише, Вася, — Герман перехватил руку режиссера и опять повел его. — Не кричи.

— Мне нужно... улететь, — заговорил Вася, словно мигом протрезвев. — Куда-нибудь. Неважно. Виза. Не помню, не знаю. Куда можно без визы?

— По-моему, в Казахстан. Или во Вьетнам. Ты бы дома спать лег, Вася. — И человеку в костюме, через плечо: — Костя, проследи, чтоб он лег.

— Во Вьетнам, — продолжал бормотать режиссер. — Это хорошо... это далеко... Они меня там... не найдут? Или найдут? Нашли же Светку? Среди бела дня, среди людей! Убили, сволочи!.. Зоя... Мне нужно к Зое! Она все устроит! Она знает как, она всегда все устраивает! Где телефон, я ей позвоню!

Они миновали охрану, турникеты сами собой открылись, водитель подбежал и распахнул заднюю дверь машины. Вдвоем они затолкали режиссера на сиденье.

— Ты поспи, — сказал Герман серьезно и оглянулся.

На широкое офисное крыльцо высыпали люди, под козырьком, где стояла ошетиленная окурками урна, тоже толпились, и все смотрели и фотографировали на телефоны.

Герман захлопнул дверь машины, кивнул водителю и нырнул в узкую калитку в сплошном заборе. Калитка и забор ограждали крохотный заасфальтированный дворик, где начальство держало свои автомобили.

Тонечка потопталась немного, оглянулась на толпу под козырьком.

«Пойду-ка я к метро покамест. Заявку нужно писать, Герман дал мне «особое» задание».

— Антонина Федоровна! — донеслось из-за калитки.

Тонечка была совершенно, то есть абсолютно — абсо-лют-но, как сказала бы ее дочь, — уверена, что великий продюсер о ней уже позабыл. Несусветные глупости про кастинг она и слушала-то вполуха!..

Он выглянул, лицо недовольное:

— Отстаете!

— Да я вот... очки... искала, — сказала Тонечка первое, что пришло в голову, перебежала газон и перелезла через железную перекладину.

Он поддержал ее под локоть.

Широко шагая недовольными шагами, он словно бы силой доволол ее до машины и приказал:

— Садитесь.

Машина была очень солидной, английской, солидного же английского цвета — какой-то болотной зелени, — и... довольно грязной.

Тонечка аккуратненько поместилась на переднее сиденье, сумку утвердила на коленях. Ей было смешно.

— Без цирковых представлений никак, — процедил Герман, выливая с тесной стоянки на тесную улицу.

— Да, — спохватилась Тонечка, — о чем он говорил? Вы поняли?..

Тот пожал плечами, что можно было расценить как угодно.

— Вот если б я написала такую сцену, мне бы точно весь сценарий завернули, — сказала Тонечка. — Ну, так не бывает в жизни!.. Чтoб человек бился и кричал, что его вот-вот убьют, и порывался во Вьетнам!.. Это даже не сериал, Александр Наумович! Это голимое «мыло».

— Мыло земляничное, — пробормотал продюсер. — Зовите меня Сашей.

Пришла очередь Тонечки пожимать плечами. Она пожала и на всякий случай согласно кивнула.

— Дело в том, что я там вчера был, — сказал Герман словно с досадой. — В институте, где Дольчикова... погибла. Там приемный тур проводили, абитуриентов полно! Собственно, она со мной приехала. А получилось... что получилось.

Тонечка уставилась на него.

— Моя дочь тоже была. Она познакомилась там с мальчиком, они зачем-то полезли на четвертый этаж и... нашли тело.

— Мне показалось, я вчера вас видел, — сказал Герман задумчиво.

— Я приезжала за Настей. Настя — моя дочь. Что там случилось? Вы знаете?

Он притормозил на светофоре и потерял лицо, словно вдруг сильно устал.

— Я не знаю, — сказал он из-за ладоней. — И не хочу об этом говорить, потому что именно я ее туда приволок!.. Если б не приволок, может, ничего бы и не случилось.

«...Ну и дела, — подумала Тонечка. — Может, продюсер Герман страдает, как и режиссер Филиппов?.. Или он тоже оплакивает «несчастную Светку, бедную девулю». Просто не устраивает демонстраций и факельных шествий... Вдруг он ее тоже... любил, а теперь «любовь убили»?..»

По долгу службы Тонечка время от времени общалась с артистами и режиссерами и знала, что жизнь у них не простая, как у нее, Тонечки, и большинства других людей, а, напротив, сложная, бурная, неистовая!.. Ну, им так положено, артистам и режиссерам. Чтоб то и дело любви, страсти, скандалы, разводы, папарацци, внебрачные дети, установление отцовства. По-другому им неинтересно и словно нечем заняться.

Впрочем...

Тут она переменила позу и уставилась в окно.

Ее собственный муж был точно таким же. Он страдал без причины, ревновал без повода, изменял без зазрения совести, скандалил без удержу. «Я же писатель! — кричал он и швырял в Тонечку первым, что подворачивалось под руку. — Мне нужны эмоции! Где я их возьму?! У тебя?! Ты не способна! Ты не можешь! Ты у меня забираешь даже те, что еще есть, последние остатки!»

Эти «последние остатки» Тонечку просто убивали!.. Она и так постоянно чувствовала себя виноватой, а уж когда дело доходило до «последних остатков»!

— Все это очень странно, — вслух сказала она, думая о своем. — Очень странно.

— Согласен.

Тонечка испуганно посмотрела на Германа, словно он прочел ее мысли.

— Нужно Василия расспросить, — продолжал Герман. — Я думаю, он не все подряд выдумывает, хотя кто его знает, конечно!.. И никаким следователям он ничего не расскажет, а мне, может быть, расскажет.

— Зачем вам это?

— Что?

Тонечка сделала неопределенный жест рукой.

— Расспрашивать, выяснять?..

— А... почему нет?

— Потому что человек умер, — сказала она неожиданно резко. — Его больше нет. Вы начнете ворошить его жизнь и мало ли на что наткнетесь!.. А это нельзя, неправильно это!..

— Что... неправильно?

— Делать из смерти шоу!.. Набегут журналисты, блогерши какие-нибудь!.. Она же была популярной артисткой! И так скандал на весь мир, как вчера выразился мой сосед, а если подробности всплывут совсем неприятные, мало ли?.. У нее родители есть?

— Наверняка есть, я не знаю.

— А дети?

— Был муж, — сказал Герман, — это точно, я его даже видел. Но как-то не очень долго он продержался, года два. Потом развод. Ну, а потом романы, конечно.

— Развод, романы, — пробормотала Тонечка. — Она же девочка совсем!

— Ну, не совсем. Тридцать лет стукнуло. В нашем поколении тридцатилетний человек считался окончательно взрослым. Правда, все давно изменилось, конечно.

— Конечно, — согласилась Тонечка несколько язвительно.

...С чего она так... разгорячилась? Что задело ее за живое? Воспоминания о муже? Или мысль о том, что продюсер Герман ничем не отличается от остальных — крутит романы с артистками, до которых ему и дела-то никакого нет, вон даже не знает о родителях?..

— А вам совсем не интересно? — спросил Герман тоже несколько язвительно. — Кто ее убил и за что? И почему Василий Филиппов так перепугался? Вы же сценарист, вас все это должно... возбуждать.

— А, ну вас, — и Тонечка махнула рукой. — Вы ничего не поняли.

— Чего — ничего?

— Придуманная история отличается от настоящей, как... — она искала сравнение, — ну вот как история Ромео и Джульетты от криминальной сводки о подростковом суициде! Может, мне тоже любопытно, но всех жалко, понимаете? Светлану Дольчикову, ее маму, даже этого вашего Василия! У всех этих людей горе, а нам... любопытно! Свинство же!..

— Не знаю, — сказал Герман. — По-моему, вы слишком усложняете. И как-то сразу начинаете подозревать!

— Кого и в чем? — фыркнула Тонечка.

— Меня в свинстве, — сказал великий продюсер. — Или я опять не прав?

Он был совершенно прав, но не говорить же ему об этом!.. Впрочем, он, кажется, догадался.

...Вот сейчас высадит меня из машины, пронеслось у Тонечки в голове, да еще работу отнимет, закажет заявку другому сценаристу! Ими — нами, сценаристами! — можно не то что пруд запрудить, а целый океан заокеанить!

— Я говорю абстрактно, — моментально заюлила Тонечка, она всегда начинала юлить, когда понимала, что плохо ее дело, — не о вас, а вообще!.. И мне тоже любопытно, я же человек! И страшно люблю сплетни, только не из интернета, где не сплетни, а какое-то безобразие, а из журналов, понимаете? Где человек сам дает интервью, сам про себя вдохновенно врет, сам верит тому, что говорит! Вот это я всегда читаю, мне для работы нужно!

— Вы оправдываетесь?

Она улыбнулась.

— Пожалуй.

— Оправдания приняты.

Тонечка опять посмотрела в окно.

За окном была Москва, весна, безлюдные парки за заборами. В этой части огромного города все парки были за заборами, и в них никто никогда не гулял — правительственные резиденции или какие-то секретные дачи. И машин мало, хорошо, просторно!..

...Вот если бы не нужно было срочно писать сценарную заявку, затем ехать на «совещание с продюсером», потом переписывать, вновь совещаться и вновь переписывать, Тонечка засела бы на даче. Как прекрасно поздней весной, когда вот-вот все распустится, засесть на даче!.. У нее припасена стопка книг, еще не читанных. Она покупала потихоньку, когда были свободные деньги — книги нынче дороги! — и самое лучшее, интересное оставляла «на отпуск». Вставала бы она поздно, часиков в одиннадцать. Варила бы кофе и делала два бутерброда с колбасой — ну, не готовить же, в самом деле, завтрак для себя одной весной на даче! Не торопясь и не проверяя поминутно телефон, пила бы кофе и смотрела по телевизору про путешествия. По телевизору очень соблазнительно показывают всякие экзотические путешествия — в Манилу, в Сингапур! Потом на террасу, на диванчик — читать. Хоть час, хоть два, пока не устанешь, а затем можно подмести дорожки, помыть самовар — лето впереди, самое «самоварное» время! И чтоб никаких забот — дочь не поступает в театральный, мама не болеет

и не иронизирует поминутно, не нужно везти на эвакуаторе в сервис машину, у которой заклинила рулевая рейка!..

— И все-таки с Василием я поговорю. — Голос продюсера прервал ее мечтания. — Что с ним такое, непонятно!.. И родителей вы правильно вспомнили. Позвоню им обязательно.

— Денег нужно, наверное, — тихо сказала Тонечка.

— И это тоже правильная мысль.

Возле проходной «Мосфильма» стояла толпа, вываливалась наружу, не помещаясь в будке. На «Мосфильм» всегда ломился народ, все будующие и настоящие кинематографические звезды.

Машину Германа охранники, видимо, хорошо знали, потому что шлагбаум сразу поднялся. Из будочки выбежал человек в камуфляже, из толпы на тротуаре жадно заглядывали в окна — кто едет, может, сам... Петров? Или Иванов? Или — господи помилуй! — даже Сидоров?!

— Здравствуйте, Александр Наумович, — охранник заглянул в боковое окно с опущенным стеклом. — Вы гостью везете? Можно паспорт ваш?

— Да, — спохватилась Тонечка. — Конечно!

Пока он бегал с ее паспортом в будочку, другой обходил машину со всех сторон. В руках у него было круглое зеркало на длинной ручке.

— Они же знают, что вы — это вы, — заметила Тонечка. — И все равно смотрят, не прицеплена ли у вас к днищу мина?..

— Такие правила.

...Понятно, что правила! Дурацкие правила, вот и все.

Паспорт вернули, рукой махнули, автомобиль перевалил «лежачего полицейского», и они покатали по широкой дороге. Газоны зеленели, деревья распускались, тюльпаны цвели.

Хорошо на «Мосфильме»! И Тонечке еще больше захотелось на дачу.

— А фильм о чем? — вздохнув, спросила она.

— А ни о чем, — сказал Герман жестко. — Сейчас сами все поймете.

— По спискам проходим, активно проходим, кто по спискам! — Зычный голос администраторши перекрывал шум доброй сотни голов. — Массовка, кто на кастинг сериала «ПТУ», проходим активно!

Настя выглядывала из-за спин и плеч, ее очередь совсем-совсем не двигалась!.. Сейчас зычная администраторша захлопнет свою папку и поведет счастливицков внутрь, на кастинг, а она останется с носом, как всегда!

— Девушка, не напирайте! Что вы напираете!

— А вы шевелитесь! — огрызнулась Настя.

— Выискалась! Звезда, блин! Стой спокойно, видишь, сколько народу!

- Кто на кастинг в «ПТУ», двигаемся, двигаемся!
- Я! — неожиданно для себя крикнула Настя во весь голос и залилась краской. На нее оглянулись. — Подождите меня!..
- Здесь все на кастинг!
- Не, мы не в «ПТУ», мы в «Девуцу со станицы»!
- А я в «План Берии»!
- На «План Берии» завтра кастинг!
- Вы че, совсем?..
- Девушка! Девушка, которая в «ПТУ», давайте сюда! Пропустите ее, пропустите, господи!..

Да уж, господи, подумала Настя, изо всех сил работая плечами и локтями. От усилий даже голова вспотела!.. Хоть бы миллиметр в сторону, хоть бы шажочек сделали, чтоб пропустить, — нет, стоят, упыри проклятые, хотя все слышали, что ее вызывают!..

Растрепанная, красная, потная, Настя наконец вынырнула перед администраторшей с папкой и прямо ей в лицо крикнула:

— Я! Я на кастинг в «ПТУ»!..

Администраторша окинула ее моментальным недовольным взглядом:

- Записывалась?
- Морозова Анастасия.

Та отлистнула списки, поставила галочку и скомандовала на всю проходную:

— Кто в «ПТУ», по одному через турникет, и ждать меня! Готовим паспорта в раскрытом виде!..

Слава богу, прорвалась! Вот удача!..

Настя выскочила на улицу с той, вожденной стороны, где уже начиналась другая, вполне кинематографическая жизнь — чистота, красота, просторы и газоны, памятник Шукшину в некотором отдалении. Настя не любила Шукшина и не понимала, за что его можно любить, снимал ерунду, писал скукоту.

Проставив ладонь козырьком ко лбу, она против солнца осмотрела желтые здания за липами и яблонями, купы пионов, кусты сирени и счастливо вздохнула: отныне и навсегда ее место здесь и только здесь.

Она добьется! Она станет! Она сможет!

Очередь на кастинг в массовку — начало. Когда-нибудь она станет заезжать сюда через шлагбаум как хозяйка, как королева! Вот как люди на той огромной зеленой машине, только что перевалившей «лежачего полицейского»! Они не стояли в очереди в проходной, их не отмечали в списках, почтительный охранник сам подбежал, проверил документы, проводил поклонами.

— Массовка «ПТУ» — за мной! Все за мной! Не отставать, ждать никого не буду!..

Мимо грустного Шукшина — вдруг Насте стало его жалко — толпа с администраторшей во главе обошла торец желтого здания, приняла левее. За зданием открылась довольно большая и удивительно пустая стоянка для машин — зеленый «крокодил», которому кланялся охранник, еще пара автомобилей, и все. Настя подумала, что это как-то неправильно — такая пустота. А где артисты, звезды? Или у них кастинги бьются в других местах?..

В вестибюле старого здания было прохладно и гулко отдавались голоса. Администраторша всех пересчитала по головам и куда-то повела широким коридором. По обе стороны коридора были устроены витрины. «Костюм Ю. Яковлева в роли Ивана Грозного, «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай». «Платье Т. Самойловой в роли Белки, «Летят журавли», реж. М. Калатозов».

Настя крутила головой, но рассмотреть, задержаться перед витриной было некогда, администраторша оглядывалась и торопила.

Несколько раз свернули, поднялись по ступенькам, коридор стал поуже и похуже, и никаких витрин, спустились, еще раз повернули.

...Да тут заблудиться раз плюнуть! Настя уже совершенно запуталась!

Еще несколько раз поменяв направление, вышли в просторный холл, заполненный людьми почти так же, как коридоры института в день экзаменационного тура!.. Господи, сколько их тут?! И откуда они все взялись, не было же никого, в коридорах пусто?! Это что, все претенденты на массовку в сериале «ПТУ»?! Настя от растерянности чуть не заплакала. Ничего она не получит, никакого места в массовке! Вон сколько тут девиц и парней, и все примерно одного возраста, и красивые!.. Нужно было сделать контуринг и навести стрелки, но она прочитала в интернете, что на кастинг следует приходиться без грима, а то режиссер забракует!..

— Та-ак, массовка «ПТУ» к правой стене! Всем понятно? К правой! Никуда не уходим, ждем, будут вызывать! Туалеты в том коридоре!

— А буфет? — пискнул какой-то начинающий артист, и администраторша возмутилась.

— Какой еще буфет? Из голодного края, что ли?! Внимание, «ПТУ», никто никуда не разбредается, все ждут с правой стороны!..

Настя проводила администраторшу глазами — высокие павильонные двери закрылись за ней — и огляделась.

Люди сидели на стульях, на полу, на подоконниках. Какой-то чувак, скрестив ноги, расположился прямо посередине холла. Впрочем, сидели только избранные счастливы и счастливицы. Остальные — их

оказалось куда больше! — стояли, привалившись к стенам. У некоторых в руках были бумажки, они лихорадочно читали, а потом повторяли, закатив глаза. Настя через чье-то плечо попыталась заглянуть в такую бумажку, но не заглянула. Парень заметил ее движение, весь дернулся и быстро отошел, пряча листки.

Настя независимо пожалала плечами.

...А вдруг здесь кастинг не только в массовку, но и... на роли? Или так не бывает? Нет, а с другой стороны, что они тогда читают? Наверняка им дали *слова*, то есть счастливцы и счастливицы получают *роль со словами!*

Со словами?!

Настя задыхалась быстрее. Как бы узнать, у кого узнать? Никто не скажет, здесь все конкуренты, вон как бросился прочь парень, когда она попыталась прочесть!

Эх, нет у нее друга, нет товарища рядом, никто не может ей помочь! Во всей вселенной нет человека, который мог бы помочь!.. Наверное, Даня смог бы, он же ходит с каким-то Ромкой на экзамены, но Даню она потеряла навсегда!..

— Привет, — раздалось у нее за спиной. — Ты сегодня куда пробуешься, в «ПТУ» или в «Северную долю»?

Не веря своим ушам, она оглянулась. Не веря своим глазам, она на секунду зажмурилась.

Но когда она открыла глаза, ничего не изменилось. Данила Липницкий, предмет ее страданий, в клетчатой рубашке поверх футболки, в спадающих брюках и с книжкой в руке, весело ей улыбался.

Словно они и не потеряли друг друга навсегда!

— Это... ты? — пропищала Настя.

Даня оглядел себя — сначала с одного бока, а потом с другого.

— Это я, — сказал он уверенно. — А что такое? Я как-то изменился?

Она немножечко пришла в себя, провела рукой по лбу на манер артистки Эльгизы Тухеровой — та всегда проводила рукой по лбу и словно затуманивалась, когда в кино играла романтическую сцену.

— Я тебя потеряла, — сказала Настя голосом Эльгизы. — Там, в институте...

— Я тебя тоже! — бодро откликнулся Даня. — Папа приехал, и я потом долго на всякие идиотские вопросы отвечал.

— И я! — радостно сказала Настя.

Господи, как прекрасна жизнь!.. Как она... волшебна!

— Ты решил попробовать на роль?

— Да ну-у-у, — Даня засмеялся. — Ромка пробуете, он где-то мечется на нервной почве, должно быть, опять в сортире. А я с ним, он

один не может, боится. На самом деле я был почти уверен, что встречу тебя здесь.

Он «был почти уверен» — это почти объяснение в любви, решила Настя. Не совсем, но почти!..

Жизнь немедленно стала еще прекрасней.

— Дай мне свой телефон, — распорядилась она, обретая уверенность. — А то мы опять потеряемся.

Он продиктовал, она записала и подумала, что хорошо бы еще на бумажку записать, вдруг с телефоном что-нибудь случится!..

— У тебя есть какая-нибудь бумага? Мне записать нужно!

— Только книжка. Но в книжке записывать не дам! — быстро сказал он, спрятал книгу за спину и опять засмеялся.

Настя посмотрела на него и тоже засмеялась — от счастья.

...Они виделись только вчера, а казалось, это было давным-давно, и она почти забыла, какой он красивый. Как ему идет длинный нос, если только человеку может идти его собственный нос!.. Какие у него брови и волосы, словно немного обрызганные золотом! Какой он высокий, немного сутулый и удивительно... свой. Словно они знакомы давным-давно!

— Так куда ты пробуешься?

— В «ПТУ»! Здесь все в «ПТУ», по-моему.

— А как же «Севрюжья доля»?

— Что ты выдумываешь? — счастливым голосом спросила Настя. — Какая еще «Севрюжья доля»?! Есть «Девушка со станицы», но в нее пробы завтра.

— А ты завтра опять собираешься? — удивился Даня. — Я Ромке, между прочим, сказал, что завтра не пойду ни за что! Я больше не могу. Тут люди в такой истерике!

— Так все роль хотят, — не поняла Настя. — Вон у тех, кто с листками, наверняка эпизоды, видишь?.. Вот бы и мне в эпизод попробоваться! А Ромка в массовку или в эпизод?

— Мы в машине какую-то ерунду учили, — сказал Даня, подумав. — Он был отморозок, а я старушка. Он у меня пенсию отнимал.

— Эпизод! — выдохнула Настя. — Он даже не учится еще, как это ему дали эпизод?!

— Сидеть, между прочим, негде, — продолжал Даня. — И есть очень хочется. А где буфет, я не знаю.

— Нельзя в буфет, ты что?! А вдруг вызовут!

Павильонная дверь распахнулась, все вытянули шеи в ту сторону, и Настя тоже. Даже гул голосов немного утих. В коридор выскочила девушка с двумя подносами, уставленными чашками, бумажными ста-

канами, блюдами и тарелками. Попой она толкнула тяжелую створку и, балансируя подносами, как жонглер-эксцентрик, помчалась куда-то. Все расступались перед ней.

— Наверняка она знает, где буфет, — сказал Даня, проводив ее глазами. — Если следовать разумной логике. Чашки и тарелки явно из буфета.

— Мы не пойдем в буфет, — твердо сказала Настя. — Мы будем ждать здесь!

— Такова наша севрюжья доля, — легко согласился Даня. Он вообще легко соглашался, она уже заметила. И то и дело вставлял «между прочим»!

В коридоре было душно, и казалось, народу все прибывает. У Насти гудели ноги, и хотелось сесть, но куда тут сядешь?..

— А что у тебя спрашивал следователь?

— Ну, как все было, — отозвалась Настя, вглядываясь в толпу. Что же их так много?! — Как мы на четвертый этаж пошли, как увидели! Я ему про часы рассказала! У нее часы были в виде медальона, висящего на браслете, а когда мы ее нашли, часов не оказалось. Слушай, я не могу сейчас про это говорить, я и так нервничаю.

— Поступала бы лучше на исторический, — ни с того ни с сего посоветовал Даня Липницкий. — Наука крутая, в истерике никто не бьется.

— Я не хочу на исторический. Я актриса. Акт-ри-са!

— А-а, — протянул Даня. — Тогда конечно...

Вернулась взмыленная девушка — поднос на этот раз был только один. Кто-то открыл ей дверь, она проскочила в павильон, и снова ничего, только ожидание.

От этого ожидания с каждой секундой становилось все невыносимей, словно ртути наглotalась.

— Я хочу туда, — сказала Настя и подбородком показала на павильонные двери. — Там же что-то происходит! Почему нас не вызывают? Вдруг уже всех набрали?

— Ну, это маловероятно.

— Я хочу туда, — повторила Настя. — Слушай, а вдруг там кастинг героев? Сначала героини, потом эпизоды, а потом массовка?.. Вот бы посмотреть!

Даня почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат.

— Нужно что-то придумать, — сказал он. — Что мы можем придумать?

— Да ничего не можем, — Настя вытерла мокрый лоб. До чего душно, просто ужас! И ноги какие-то тупые, тяжелые.

— Папа говорит, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Из съемочного павильона вдруг вывалились люди, среди них девушка с подносом и давешняя администраторша с папкой.

— Массовка «ПТУ»! — зычно прокричала администраторша. — Ждем спокойно, никто никуда не уходит, в обморок не падаем, держим себя в руках!.. Сейчас продюсер посмотрит артистов, и начнем кастинг!..

— Продюсер придет? — выкрикнули из толпы кликушеским голосом. — Сюда?

— Он уже приехал! Со сценаристом вместе! Так что спокойненько ждем своей очереди!

— Какой продюсер? — жадно спросила Настя у чьей-то спины. Спина не дрогнула и не обернулась.

— Кто придет, — пристала она к другой. — Кто? Вы не знаете? А? Кто придет?

Девушка с подносом, оказавшаяся совсем близко, вдруг ей ответила:

— Да сам Герман приехал, идет сюда. Вздумал героев смотреть! Теперь до ночи застрянем.

— А вы администратор? — встрял Даня, и девушка кивнула.

— Слушайте, — продолжал тот вдохновенно. — Давайте мы вам поможем! Мы все равно стоим без дела!

Девушка страшно удивилась. Настя возревновала.

— Как это вы мне можете?

— Да вот чашки помоем и принесем!..

Девушка недоверчиво на него посмотрела.

— Что, правда?

Даня сунул свою книжку в безразмерный карман штанов и перехватил у нее поднос.

— Слышь, парень, — зачастила девушка, проталкиваясь через толпу. — Смотри. Ничего не надо мыть. Мы сейчас в буфете все возьмем, и бутеры, и печенки, и чай зеленый, и кофе, и... — тут она выхватила откуда-то мятый листок бумаги и уставилась в него, — так, еще сливки холодные и пирожное «картошка». Подружка с нами?

Даня кивнул на ходу. Настя рассердилась всерьез.

— Отличненько. Тогда точно вы все унесете. Вы унесете, а я сбегаю в костюмерную, а то хоть разорвись. Представляешь?! Ну, у меня не семь ног-то! Нет, еще шляпу какую-то подавай, а я даже не знаю, кто сегодня из костюмеров на работе, там есть одна, она не то что шляпу, булавки не даст!

Даня сочувственно кивал.

— Я никуда не пойду, — объявила Настя противным голосом. — Я же на кастинг!.. Меня могут вызвать.

Девушка махнула на нее рукой.

— Да тут все на кастинг. И не вызовут никого, ты видишь, что творится?! Герман приехал, все, пипец.

Даня строил Насте какие-то рожи, она не понимала, что он хочет сказать, но шла за ними. Не могла же она оставить Даню с этой девушкой и ее подносами!..

— Ты что, не понимаешь? — ей на ухо сказал Даня уже в буфете, где сильно и остро пахло кофе и апельсинами. Сразу очень захотелось есть и пить. И сесть! В буфете было отчего-то полно свободных мест. — Мы сейчас все это отнесем в павильон. Ты же хотела туда попасть и не знала как!..

Тут только она сообразила. Как она могла не сообразить, она же сообразительная!..

...Или нет?..

— Как войдешь, с правой стороны столы такие сдвинутые, — объясняла девушка, нагружая подносы. — Вот это все нужно поставить на второй, понял? На второй! На первом распечатки, а на второй поставишь!

— Понял.

— Ты бери тот, с кофе, а подружке полегче, где печенье и бутеры. И не расплескайте ничего, они все там злые, как собаки!.. И на второй стол!

Они шли с подносами, толпа расступалась и перед ними — подносы делали свое дело! У Насти внутри тряслось и дрожало — она идет в съемочный павильон! Она сейчас все увидит своими глазами! И артистов, и режиссеров, и даже знаменитого Германа, если удастся.

— Как это ты придумал? — в спину Дане сказала она.

— Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, — ответил он, не оборачиваясь. — Откройте нам дверь, пожалуйста!..

Кто-то уважительно придержал перед ними дверь, они вошли и оказались в полной темноте.

— Даня, стой, я ничего не вижу!

— Я стою. Я тоже не вижу.

Некоторое время глаза привыкали к темноте, потом впереди забрезжил свет.

— Иди аккуратно, — предупредил Даня. — Здесь на полу могут быть провода.

— Я за тобой.

Медленно и осторожно они пошли на свет и вскоре оказались в огромном помещении. Здесь было жарко, стояли столы, не один и не два, а, должно быть, десяток, разномастные стулья и кресла, горел яркий свет. Впрочем, свет разгонял темноту только в середине помещения, по углам было темно. На стульях в ряд сидели люди с бумагами в руках и напряженно читали. По рельсам ездил диковинная квадратная камера. Самое интересное, что вместе с камерой ездил человек в какой-то металлической корзине!.. В центре светового пятна сидели двое, он и она, и молчали. В руках у них тоже были бумаги. Вокруг стояли люди с белыми щитами из пенопласта, человек из железной корзины командовал ими:

— Валера, подними свой край выше!.. Еще. Еще. Стоп, хорош, опусти немного! Стоп, стоп! Стас, возьми левее, видишь, у нее какой блик на лице! Не, много взял, свет совсем ушел! Стас, я кому говорю!..

— Какой стол... второй, как ты думаешь? — шепотом спросил у нее Даня. — Откуда считать?..

Настя ничего не ответила. Она была словно в коме.

Эти двое — артисты. Человек за камерой — оператор. Те, что со щитами, подсвечивают им лица. Она же видела в интернете, как это все делается!

Она видела и даже немного читала... Про Калатозова читала и про Татьяну Самойлову в роли Белки...

А сейчас, сию секунду она все видит своими глазами!

— Должно быть, вон тот. На нем объедки какие-то.

И Даня из поля ее зрения испарился. Впрочем, он очень быстро вернулся обратно в поле и принял из ее ослабевших рук поднос.

...«Принял из ослабевших рук» — фраза словно из сценария.

...Татьяна Самойлова в роли Белки...

...Каннский кинофестиваль, Лоуренс Оливье, а начинается все отсюда, вот с этого самого места.

...Я больше не могу, я сейчас упаду в обморок.

Даня Липницкий легко толкнул Настю в бок.

— Насть, ты чего?

Как сомнамбула, она сделала два шага вперед.

...Наверняка эта «сомнамбула» тоже бывает в каждом приличном сценарии.

Сделав два шага — как сомнамбула, — она оказалась почти на свету, Даня схватил ее сзади за футболку и утянул обратно в темноту.

— Нас сейчас отсюда погонят! — зашептал он сердито. — Куда ты поперлась?!

— Тишина в павильоне! — громко крикнул какой-то злобный карлик в кепочке. — Все закрыли рты! Где «хлопушка»?!

Из темноты выскочила... Мила, да, да, та самая Мила, которая была в театральном институте и собиралась покурить с несчастной Дольчиковой!

Она выскочила, крикнула нечто невразумительное вроде:

— «ПТУ», пробы, первая пара, Олег Брызгин, Марианна Веселкина, сцена сто тринадцать, эпизод первый, дубль один!..

Камера поехала, злобный карлик завопил:

— Начали!..

Двое на стульях помедлили немного, словно досчитали до трех, и принялись говорить друг с другом.

Вокруг молчали. Камера медленно ехала. Человек в железной корзине, припав, смотрел в объектив.

— Сто-оп! У меня было! Кира, у тебя было?

Оператор кивнул, вытер пот с верхней губы и распрямился.

Тотчас же все зашумели, задвигались, словно ожил замок Спящей красавицы после нескольких столетий заклатья.

— Все? — спросила девушка, которую снимали. — Совсем все? Можно уходить?

На нее никто не обращал внимания, все говорили друг с другом — громко — кажется, и ответов никто не слушал:

— Нужно выставиться со светом как следует, если Герман приехал. Когда выставляться-то, мы и так на два часа опаздываем!.. И звук! Мужики, звук почти не идет! А левый монитор глючит или наводки такие?

— Уходить? — повторяла девушка, обращаясь непонятно к кому. — Мне совсем уходить?

— Да уходить! — рявкнул на нее карлик. — Выйдете и ждите в коридоре, продюсер приехал, пробы будет смотреть! Мила, проводи ее! Или кто там? Катя?..

— Парень, дай воды! Слышь? Бутылку с водой дай!

Даня встрепенулся, догадавшись, что оператор обращается к нему, перелез через кабели, рельсы и стулья и сунул тому в руки бутылку.

Оператор стал жадно глотать, заходила туда-сюда щетинистая шея.

— А газированной нету, что ли? — спросил он, тяжело дыша. В бутылке ничего не осталось. — На, забери.

И кинул Дане бутылку. Даня поймал.

— В середине скачок! — прокричал оператор неизвестно кому, сильно наклонившись в сторону и кепкой вытирая лицо. — Рельсы посмотрите кто-нибудь! Пряма прыгает камера! Следующий дубль в браке будет!

— Я те дам в браке!

— Не пейте кофе, это для продюсера!..

— Да я один глоток...

— Сказано, не пить!..

— Тихо все! Давайте следующих! Кто следующий?!

— Вот это да, — сказал Дания, пожалуй, с уважением. — Вот это работа так работа. Я бы не смог.

— Тише ты! Нас сейчас выгонят!

Он огляделся по сторонам. Он вообще как-то легко ориентировался и приспособивался к обстоятельствам, Настя уже заметила.

— Давай за мной! Пошли во-он в тот угол. Мы все увидим, а нас никто не заметит.

— Почему?..

— Потому что оттуда свет. Мы зайдем за фонари, против света никогда ничего нельзя разглядеть. Между прочим, актриса должна быть наблюдательной. А ты как-то... не сечешь!

Настя даже не обиделась. Она практически идет по красной дорожке, — слева Софи Тернер, справа Мэйсон Уильямс, — когда тут обижаться! Некогда...

Дания тянул ее за руку, она шла за ним, спотыкалась и хваталась за него.

Они зашли за хлипкие треноги, горевшие адским пламенем.

— Это осветительные приборы, — с восторгом прошептала Настя.

Он хмыкнул.

— Я вижу.

Злобный карлик, забравшийся к оператору, посмотрел в объектив одним и другим глазом, прыгнул с подножки и закричал:

— Следующие в кадр, быстро!.. Катя, сажай следующих! Где рация? Я рацию где-то проспал!

— Она у меня, Эдуард Вадимович!

Тут в световой круг ворвалась толстая администраторша с папкой, которая руководила массовой, и выпалила, округлив глаза:

— Эдик, они пришли! Ведут! Идут!

И вновь пропала, видимо, помчалась встречать и «вести».

Карлик Эдик тихонько выmaterился себе под нос, приосанился, снял кепку, пригладил волосы на лысине, напялил кепку и ни с того ни с сего скроил любезное лицо, сделавшись совершенным уродом.

— Это он, — пробормотала Настя и на секунду припала лбом к Даниному плечу от экстаза. Так делала Эльгиза Тухерова, когда играла романтические сцены! — Герман. Приехал.

Актеры на стульях перестали обмахиваться бумажками и замерли. Люди со щитами из пенопласта все куда-то подевались. Пятясь, вновь появилась администраторша. Она улыбалась и делала взмахи рукой — мол, сюда, сюда!..

— Я знаю только тех Германов, — сказал Даня задумчиво. — Которые великие. Юрий Герман, между прочим, превосходный писатель! Алексей, который «Проверку на дорогах» снял, и Алексей-младший...

— Заткнись, — сквозь зубы перебила Настя. — При чем тут «Проверка на дорогах»?!

— Это какой-то другой Герман?..

— Я тебя убью, — пообещала Настя.

— Здравсте! — раздался твердый, громкий, уверенный и веселый голос — таким голосом говорят только начальники и только большие. — Я всем помешал, извините!.. Вы не обращайтесь на нас внимания, мы пробы посмотрим и уедем!

— Александр Наумович! — вскричал режиссер Эдуард так, словно само счастье явилось к нему сию минуту в душный, жаркий, пыльный, полный запаха пыли, пота и страха павильон. — Прямо честь для нас, я и не предполагал...

— Честь, честь, — снисходительно согласился продюсер Герман. — Мы мешать не будем.

— Да нет, это не тот Герман, — с досадой прошептал Даня на ухо Насте. — Совсем.

Она толкнула его в бок, сильно.

— Да, — словно спохватился «не тот» Герман. — Прошу прощения. Со мной вот сценарист приехал. Знакомьтесь — Антонина Морозова. Она на этом проекте не задействована, но сценарист превосходный.

Какая-то девушка в джинсах, кудрявая и хорошенькая, явно стесняясь, просеменила в центр съемочной площадки и встала рядом с продюсером.

— Здравствуйте, — сказала она.

Голос был приятный, несколько не начальственный, чуть с хрипотцой, и Настя узнала именно... голос.

— Что? — сама у себя спросила она. — Кто?

— Ты чего, Насть?..

— Антонина послушает, а я посмотрю, — продолжал Герман. — Мы вон там сядем, ладно?

— Кофейку, Александр Наумович? Бутерброды, печенье, все есть!

— Тонечка, вы будете кофе?

Настя за штативами покачнулась — вдруг с ногами что-то сделалось. Наверное, ртуть. Еще в коридоре ей показалось, что она наглоталась ртути...

— Насть, ты что? Тебе плохо?!

Та быстро и бесшумно села на пол, привалилась к какому-то ящику. Сердце прыгало и моталось, словно потрепанная афиша на сильном ветру, нечем стало дышать, и вспотела вся голова.

Даня моментально опустился перед ней на корточки.

— Что такое?!

— Тише, — попросила Настя. — Я что-то... не могу.

Даня выхватил из кармана книжку, распластал ее и стал махать у Насти перед носом. Как ни глупо было это махание, но отчего-то оно помогло. Воздух вернулся, Настя судорожно вдохнула.

На площадке бегали, суетились, кричали.

— Может, пойдем на улицу? — предложил Даня, продолжая тревожно махать. — Ну их к шутам, эти ваши пробы!..

Настя придержала его руку. Стала на четвереньки и подползла к осветительному прибору.

— Видишь сценаристку? Которую Герман привез? Ну, вон ту, кудрявую?..

— Вижу, он только одну привез.

— Это моя мать.

Даня высунулся из-за ее плеча, посмотрел и снова начал махать на нее книжкой.

— И что? Очень симпатичная, по-моему! Или ты здесь... на нелегальном положении?

Ох, Настя и сама теперь не знала, на каком она положении — здесь и вообще на свете!..

Ведь это на самом деле ее мать.

Ее собственность, ее недоразумение и беда — мать ничего, *ничего* не смыслила в том, что представлялось Насте делом жизни!.. И не могла помочь! И поддержать не могла!..

Она с утра до ночи торчит на своей дурацкой нелепой работе и дома постоянно пишет что-то, таскает работу домой!..

...Выходит, она сценарии пишет?!

Какой страшный, чудовищный обман!

Вся жизнь, их общая жизнь — обман!..

— Насть, пойдем на улицу, — Даня крепко взял ее за плечо. — Мне тут... надоело.

— Иди, — сказала Настя, не слыша себя. Что-то уши заложило. — Я посижу пока.

— Да что случилось?! — зашипел он рассерженно, и тут закричали:

— Тишина на площадке!..

Выбежала Мила с хлопущей, скороговоркой произнесла свою невнятицу, и двое на стульях, в центре светового круга, начали разговор.

Он: Я не знал, что она моя дочь.

Она: Она твоя дочь!

Он: Почему ты мне солгала про дочь?

Она: Я не могла иначе! Я не хотела делать аборт!

Он: Я не верю тебе!

Она (рыдая): Это твоя дочь!..

— Стоп моторы!..

На площадке было тихо.

Странное дело, сюда, в павильон, не просачивались никакие привычные звуки — не было слышно шума улицы, автомобильных гудков, гула толпы в коридоре, ничего.

— Ну что, Александр Наумович? Снято или еще один дублик?..

Герман поглядел на Настину мать:

— Ну что, Тонечка? Снято или дублик?..

Настя закрыла глаза.

Но тут же вновь открыла!..

— Воля ваша, — заговорила мать после паузы этим своим привычным, родным голосом с хрипотцой, — а в жизни так не говорят, Саша. Вы же все видите! Артистам так... неудобно, они же люди!

— Эт точно! — вдруг с тоской гаркнул тот, кто был «он». — Мы тоже люди!..

— Хорошо, а как? — вдохновился Герман. — Ну, напишите!.. Давайте, давайте! Перерыв!

— Перерыв на площадке!

Все задвигались и зашумели.

— Да не нужно никакого перерыва, — быстро сказала Тонечка. — Как написать? От руки? Или на компьютере?

Она полезла в сумку и проворно вытащила ноутбук.

Ноутбук тоже был родной, старенький, один угол треснутый, мать его когда-то уронила!

— Если есть принтер, я сейчас на компьютере моментально!..

Вокруг ходили люди, жмурились от света, приставляли ладони козырьком к глазам, жадно пили воду из пластиковых стаканов, утирали лица, задирая футболки, Тонечка на своем компьютере строчила как из пулемета.

Насте вдруг стало очень страшно. За нее, за мать.

Она же ничего не умеет, только бумажки писать дуррацкие!..

...Бумажки. Дурацкие бумажки. Она умеет писать дурацкие бумажки!

— Вот, готово! Где принтер?

— Да вон, за вами!..

Принтер загудел, из него полезли листы — дурацкие бумажки.

Герман взял один, взглянул и скомандовал:

— Повторим сцену в новой редакции. Да?

— Да! — закричали со всех сторон.

И вновь суета, беготня, люди с пенопластом.

— Тишина на площадке, моторы идут!..

Настя коротко вздохнула и вытерла пот, вдруг поливший в глаза.

Те двое в наступившей отчаянной тишине заговорили снова:

Он: Ты что, тогда залетела?!

Она: кивает.

Он: И мне не сказала?!

Она: Ну, не сказала! Я решила, аборт делать ни за что не стану!

Он: Дура! Какой аборт?! Ты все врешь!

Она: Да не вру я, можешь проверить!

— Стоп, снято!..

Никто не шевелился и не двигался.

Неподвижны люди со щитами из пенопласта. неподвижен оператор в своей железной корзине. неподвижны артисты с листочками в руках. Оказывается, заклятье на замок Спящей красавицы очень легко наложить снова и снова — сколько угодно раз...

— Это было, — будничным голосом сказал Герман, и чары мигом рассеялись.

— У-уф, — выдохнул режиссер Эдуард. Насте показалось, что все, кто находился в павильоне, выдохнули вместе с ним.

Герман уперся ладонями в свои джинсовые колени, посидел, раздумывая, поднялся и поманил режиссера за собой. Вдруг спохватился и повернулся к Настинной матери.

— Тонечка, пойдите с нами. Эдик, вот сейчас точно объявите перерыв!

— Перерыв на площадке!

— Ты знаешь, — сказал рядом Даня Липницкий, — как в данном случае расшифровывается аббревиатура «ПТУ»? Я на этой хлопушке прочитал, там написано!

Настя взглянула на него.

— «Пускай тебя убьют», «ПТУ»! — провозгласил Даня. — С чувством юмора чуваки!..

— Пойдем отсюда.

— Давно пора.

...Только бы не встретить мать. Только бы не встретить! Если они встретятся — что ей сказать?..

Переступая через провода и толстые кабели, Даня впереди, Настя за ним, они выбрались в центр съемочной площадки — никто не обращал на них внимания — и побрели вдоль черных занавесок к табличке «Выход», горевшей хищным красным светом.

В коридоре ничего не изменилось, только, кажется, народу еще прибавилось, и стало совсем нечем дышать.

— Я не знаю, куда идти, — призналась Настя. — И без администраторши нас с территории не выпустят, всех специально предупреждали.

— Да? — удивился Даня. — Вон там дверь на улицу, может, выйдем, оглядимся?..

Насте было все равно. Ее жизнь оказалась обманом, химерой.

Должно быть, так пишут в сценариях!..

Ее мать, ее собственная родная мать пишет эти самые сценарии! А дочь ничего не знала! Не знает!.. Мать — обманщица, лгунья.

Настя поднесла ко рту стиснутые кулаки и укусила сначала один, потом другой. Стало больно и невозможно.

— Ну, ты даешь, — сказал Даня. — Слушай, наверное, из тебя на самом деле получится артистка!

— Заткнись.

— Мне нужно Ромке сказать, что я уезжаю. Он искать станет.

Насте было все равно.

Они вышли на улицу — дверь оказалась не заперта и непонятно было, почему их вели такой дальней дорогой и почему никто не догадался распахнуть эту самую дверь, чтобы можно было дышать! За день — целый день прошел, целый огромный весенний день! — трава еще немного напружинилась, и зазеленели длинные березовые веточки, и какие-то немудрящие цветы распустились на клумбах, утром их не было.

Уткнувшись носом в угол с облупившейся штукатуркой, какая-то девчушка рыдала навзрыд. Плечи ее тряслись и спина ходила ходуном.

Настя и Даня переглянулись.

Как ни велико оказалось Настино нынешнее потрясение, девчушкино горе наверняка было еще горше. Настя кинулась и схватила рыдающую за руку.

— Что? Что случилось?

Девчушка повернулась, и Настя ее... узнала. Это была та самая, ее двойник, ее копия, которую она заметила тогда в коридоре института!..

Сейчас по лицу у нее текла тушь вперемешку с пылью.

— Все, — выговорила девчушка трясущимися губами. — Все!..

И опять зарыдала, почти завывала.

— Тихо, тихо, — быстро сказал Даня. — Спокойно. Еще не все.

— Посмотри на меня, — велела Настя. — И скажи, что случилось. Девчушка заикала, зажала себе рот рукой и старательно подышала носом.

— Украли, — выговорила она с трудом и все же икнула, — у меня украли. Деньги, паспорт. Аттестат!.. И телефон тоже!.. Всю сумку! Вот только... осталось...

И она кивнула на журнал Forbes, валявшийся на лавочке.

Даня посмотрел на журнал, потом на девчушку и протянул:

— Да ну-у-у...

Настя выхватила из рюкзака пачку бумажных носовых платков — утром мать сунула, ее собственная мать, оказавшаяся такой... лгуньей, — и стала вытирать девчушке лицо. Та рыдала и вырывалась.

— Подожди ты, не реви так, — попросил Даня.

— Да-а-а, как я теперь?.. Мне домой... как... теперь?.. Я и так не поступи-ила!.. Никуда-а-а! И в прошлом году не поступила-а-а! И еще все... украли! Ничего же нету!..

— Здесь украли, на пробах?

— Дань, — с досадой сказала Настя, на миг перестав вытирать девчушку, — ну, ясно, что здесь! Чего ты спрашиваешь?

— Я... утоплюсь! — продолжала та. — Я... не могу! Не могу я больше! Провались она, Москва ваша!.. Сволочи!.. Кругом одни сволочи!.. Спать... негде! Есть... нечего!.. И все украли-и-и!

— Тихо, — сказала на этот раз Настя. — Прекрати. Поедешь со мной, переночуем на даче, а там решим.

...Бабка не выгонит, пронеслось у нее в голове. Бабка с виду грозная, а на самом деле добрая. И потом!.. Она наверняка тоже не знает про мать и ее выкрутасы!

...Или знает, и у них заговор? Заговор против нее, Насти?

— Слышишь? — повторила она очень громко. — Поедем к нам!

— Как?! Как мы поедем?! У меня даже на метро нету!

— У меня есть, — решительно вмешался Даня, — на всех хватит. Поехали. Я только Ромке позвоню и, наверное, папе.

— У меня проездной, — мрачно сказала Настя.

Тонечке было смешно — второй раз за день она столуется в буфете!.. В первый раз в телекомпании, а вот сейчас на «Мосфильме»!

Оказалось, на «Мосфильме» существуют «секретные» буфеты, не для всех. Эти самые «все» толпились в каком-то вовсе другом буфете, где было обыкновенно — алюминиевые столы, шаткие стулья, длинная

стойка, холодильный шкаф с «прохладительными водами» и безалкогольным пивом.

В этом было необыкновенно, словно в английском пабе: зеленый плюш, кресла с латунными гвоздиками обивки, полированное дерево, хрустальные бокалы, кофейные чашки «Веджвуд» — Тонечка, выпив свой глоток эспрессо, аккуратноенько посмотрела клеймо на доньшке невесомой фарфоровой прелести!

Все правильно, «Веджвуд».

Александр Герман, заметив ее маневр, усмехнулся.

Режиссер Эдуард, похоже, тоже ничего не знал о существовании «секретного» буфета. Когда они зашли, огляделся по сторонам растерянно, затем приосанился, сдернул кепку, пригладил волосы на лысине. Потом за все это он на себя рассердился и теперь сидел надутый.

Только Герман чувствовал себя вольготно.

— Я предлагаю следующее, — говорил он, куда несли воду, лед и какие-то сложные супы, которые он заказал. Тонечка попросила суп исключительно из соображений здорового образа жизни, окончательно и бесповоротно попорченного сегодня пирожным «картошка» и всякими другими излишествами.

Герман говорил, но его никто не слушал. Тонечка весело изучала новую обстановку, а Эдуард дулся.

В конце концов Герман замолчал, посмотрел на обоих своих собеседников и заметил:

— Странное дело. Похоже, мои предложения тут никого не интересуют.

— Что вы, Александр Наумович! — вскричала Тонечка.

— Извиняюсь, — буркнул режиссер.

— Сосредоточились?

— Мы... пытаемся, — Тонечке принесли тарелку, и теперь она нюхала пар.

Пахло, между прочим, просто прекрасно.

— Сценарий нужно переделать, — сказал Герман, чуть повысив голос. — Эдик, вы когда в съемки уходите?

— Как... переделать? — обомлел режиссер. — Да он же утвержден! Вами утвержден, я извиняюсь!.. А кастинг? А сроки?

Тонечка ела суп. Такой вкусный суп в этом особом буфете!..

— Ну и что, какая разница! Я же его не читал, когда утверждал!..

— Это вы напрасно, — заметила Тонечка.

— Веселитесь, веселитесь. Переделывать сценарий будете вы.

— Я?!

Режиссер с размаху нахлобучил кепку, словно кепка могла как-то помочь ему в этой жизненной драме.

Тонечка перестала есть и положила ложку.

— Саша, — начала она, испуганно глядя на Германа, — это не мой сценарий! Я даже не знаю, о чем там речь! У меня заявка, вы сказали, что ее нужно было сдать вчера! Я не могу... переписывать чужие сценарии.

— Ничего, научитесь.

— Да мы в производство не уйдем! — режиссер Эдуард сорвал кепку, ничего она не помогает. — Александр Наумович, вы же все понимаете и про бюджет, и про группу! А простой кто будет оплачивать?! Да вы же сами утвердили!..

— Называйте меня Сашей, — сказал Герман режиссеру. — И не волнуйтесь. Вот Антонина. Она моментально поправит все огрехи.

— Я не буду ничего поправлять!

— А я вам не дам работу в следующий раз, — сказал Герман будничным тоном. — Просто не дам, и все.

— Это шантаж.

— И угрозы, — согласился Герман с удовольствием. — Подождите, будет еще подкуп.

— А как же производство? — перебил режиссер. — Сроки?! Пожалуйста вы нас, Александр Наумович!

— Саша, — поправил Герман. — Я так решил как раз потому, что всех пожалел. Вас, Эдик, в первую очередь. Потом актеров. Снимать и играть такую... мутотень, должно быть, трудно.

— Мы привыкли, — заметил режиссер.

— Еще я пожалел себя. Мне абсолютно понятно, что никаких рейтингов канал не получит с таким сценарием. А у меня тоже бюджет и сроки!.. Тонечка, что вы смотрите на меня, как лишенец на оправдании? Я предлагаю следующее. Тонечка, вы поправите диалоги. Секунду, дайте мне договорить! — И крепкой рукой он взял ее за запястье. — Это в первую очередь. Там, где сочтете нужным, поправите сюжет. Такие правки много времени не займут. Эдуард, вы проводите кастинг, утверждаете артистов, все, как предполагалось. Ну, с чем-нибудь мы потянем, сколько сможем! Допустим, я долго буду отсматривать главных героев. Группу распускать не станем, в производство пойдем по мере готовности текста.

— Елки-моталки, — простонал Эдуард. — Вот влипли!..

— Ни штрафовать за простой, ни требовать соблюдения утвержденного графика с вас никто не будет. Попробуем немного... поднять планку, вы согласны?

Эдик нахлобучил свою кепку на коленку и с досадой дернул ее, многострадальную, за козырек.

— Да мы-то согласны, Александр Наумович! Мы давно согласны, только все это не вовремя. Ну, что вам наш проект, а? У вас таких два десятка! А мы уж готовы, а тут такое! Мы ж не авторское кино снимаем!

— До авторского кино нам как до Китая на велосипеде, — перебил Герман. — Зрителей оно не интересует, меня тоже не слишком. Поэтому авторское кино мы снимать не будем, просто попробуем снять получше, чем обычно. Считайте, что у меня такая придурь.

— Придурь, — повторил режиссер тоскливо.

Тонечке стало его жалко:

— Да вы не отчаивайтесь раньше времени, Эдуард, — сказала она. — Может, и не понадобится ничего переделывать.

— Это в том смысле, что придурь завтра пройдет? — уточнил Герман, и Тонечка ничего не ответила.

Он угадал. Конечно, пройдет!

— Все в производстве, — продолжал Эдуард, — лето впереди, самое хлебное время! Говорят, Филиппов тоже запустился! А я в простоях погрязну.

— Филиппов виски трескает, как чай, — сказал Герман и поморщился от воспоминания. — И орет на всю телекомпанию!..

— Из-за Светы? — спросил режиссер Эдуард. — Жалко девчонку, хорошая девчонка Светка!

— Вы не знаете ее родственников? — спросила Тонечка быстро. — Дольчиковой?

— Нет, откуда! Василия жену — эту знаю. Деловая баба, слов нет! Он за ней как за каменной стеной жил. Она то ли юрист, то ли адвокатша, и красивая! А Васька вечно у нее под носом со всеми подряд крутит!

— Он женат? — удивилась Тонечка, и Эдик засмеялся.

— А как же! В Москве все женатые, только в экспедициях разведенные!

— А как зовут жену?

— Зоя, — ответил почему-то Герман. — Какая вам разница, Тонечка.

Как это какая, подумала Тонечка стремительно. Выходит, пьяный Филиппов убивался по своей молодой возлюбленной, а собирался зонить жене, чтобы она «все уладила»? Как хотите, а это странно.

И спросила вслух:

— Эдик, вы не знаете, у Василия есть недоброжелатели? Только такие, настоящие? Чтоб с угрозами звонить, например?

— Да у нас тут все друг другу недоброжелатели, особенно когда один в производстве, а второй лапу сосет, вы не в курсе? Вы ж наша!

А Васька что? Как все. Может, конечно, бабы ему и грозят карой небесной, когда он их бросает, этого сказать не могу, а так...

— Он прямо герой-любовник, да? — уточнила Тонечка, вспоминая пьяньегого Василия, его слезы, сопли, вопли. — Орел-мужчина?

— Орел, — сказал Герман. — Давайте в павильон вернемся, у нас же работа.

Гори она огнем, от души добавила про себя сценаристка.

Провались все пропадом, подумал режиссер.

Получится хороший фильм, решил продюсер.

— У нас что-то случилось, — выпалила Тонечка.

— У нас все в порядке.

— Господи, что могло случиться? С мамой?!

Герман сбоку посмотрел на нее. Она вдруг дернула ручку автомобильной двери и чуть не вывалилась на ходу. Он надавил на тормоз.

— Тонечка, черт вас побери!

Машина встала. Тонечка выскочила и помчалась со всех ног, изо всех сил. Герман приткнулся позади черной представительской «Ауди», перегородившей ворота и хлипкую калитку, посидел, подумал и зашел на участок.

Дом с высоким крыльцом и пристроенной терраской был как из старого кино, герои которого то и дело восклицали: «А теперь на дачу! Поедем на дачу!» Отмытые после зимы окна сияли на закатном солнце, дикий виноград, обвивший сосну и крышу терраски, еще не взялся зеленеть, но чувствовалось, что вот-вот. Рамы старинные, с частым переплетом, ухоженные, недавно выкрашенные, да и вообще дом, как Тонечка, производил впечатление... веселья и жизнерадостности. Видно было, что его любят и ухаживают за ним.

На крыльце, на особой циновке стояли чистые резиновые сапоги, на перилах в детской лейке с желтым цветком на боку — первые нарциссы, целая охапка.

Герман постучал в переплет двери и заглянул:

— Можно?

Ему показалось, что в комнате уйма людей и все одновременно и очень громко говорят. Девчонка с хвостом на голове оглянулась, скользнула по нему взглядом и опять заговорила, громко и сердито.

Герман помялся в дверях и зашел.

— Ну и что?! — запальчиво говорила девчонка — С кем не бывает! Она что, виновата?! А Даня нас провожал!..

— Я провожал, — соглашался высоченный, худой, очень симпатичный парень. — Пап, я же тебе позвонил!..

— Да мало ли что ты позвонил, — рокотал седовласый дядька, очень похожий на парня. — Почему я должен гоняться за тобой по всей области?!

— Мама, что тут происходит?! — это Тонечкин возглас.

Ухоженная моложавая дама махнула рукой:

— Приехала Настя, с ней мальчик и девочка. А девочка-то куда теперь подевалась, господи?

— Я здесь! — из-за этажерки выглянул еще один персонаж, с растрепанными волосами и грязной мордахой. — У меня все украли, все-о-о! Ничего не осталось, ничего-о-о!..

И персонаж заревел, размазывая грязь по лицу.

Человек в синем костюме, единственный, кто не орал и не совался в дискуссионный круг, поправил в ухе витой провод, внимательно взглянул на Германа и подошел к седовласому.

— Андрей Данилович, поедем?..

Дядька не обратил на него никакого внимания.

— Данила, объясни нам толком, что происходит!

— Да! — это вновь Тонечка воскликнула. — Объясни!..

— Так я же объяснил! — удивился парень.

— Вот что, — решительно вмешалась старшая дама. — Объявляю перерыв! Как хозяйка дома. Всем замолчать.

Странное дело, но все и вправду замолчали и устали на нее.

Дама скомандовала:

— Настя, отведи подружку умыться, немедленно. Она чумазая. Мальчик, присядь вот сюда. Вы кто?..

— Я?! — удивился дядька, и лицо у него неожиданно повеселело. — Я папа мальчика, а что?

— Присядьте рядом. А вы?..

— Это моя охрана. Вадим, вернись в машину.

Человек в костюме тут же и без всяких возражений прошел на крыльцо и плотно прикрыл за собой дверь.

— Господи, еще кто-то, — удивилась дама, заметив Александра Намовича. — А вы откуда?

— С «Мосфильма», — почему-то ступешался Герман. Тут его заметила Тонечка и округлила и без того круглые глаза.

— Вы не уехали?!

Он пожал плечами:

— Как видите.

— Мама, это Александр Герман, продюсер, мы... вместе работаем. А это моя мама, Марина Тимофеевна.

Дама слегка кивнула, словно разрешая ему к ним присоединиться. К такому обхождению Герман не привык, ему было странно.

— У вас на лице написан вопрос «как я сюда попал?», — заметила Тонечка.

— Как я сюда попал?..

— Кто будет чай, а кто кофе? — продолжала командовать парадом Марина Тимофеевна. — Я думаю, детям нужно подать обед.

— Детям нужно по задницам, — неожиданно вмешался дядька, — а не обед.

— Пап, я же тебе позвонил!..

— И что толку?!

И когда он сказал про толк, Герман его узнал.

Ну, конечно. Генерал, большой начальник, правовые вопросы или что-то подобное. В программе «Время» иногда разъясняет суть того или сего. Во всех репортажах стоит по правую руку от *самого*.

Герман прищурился.

...Быть такого не может. *Тот самый* Липницкий?! Сидит сейчас за круглым столом, покрытым скатертью с вышивками и фестонами, в доме сценаристки Антонины Морозовой?!..

— Что здесь происходит? — спросил он, сердясь на себя. Он сердился, когда чего-нибудь не понимал, а пребывание в доме сценаристки *того самого Липницкого* было решительно непонятным, и объяснить с ходу не получалось. — Тонечка?

— Да мы уже сто раз рассказали! — закричала откуда-то сверху одна из девиц. — Двести раз! Миллион!..

— Я буду чай, — сказал Липницкий-старший. — Если есть молоко, с молоком.

— Я тоже чай, — подхватил Даня. — Только я бы еще поел, если дадут.

Папа мальчика взглянул на сына с интересом.

Продюсер еще немного помедлил, а потом все же решился и протянул Липницкому руку:

— Герман Александр Наумович.

— Липницкий Андрей Данилович.

— Я испугалась вашей машины, — призналась Тонечка, ловко и быстро расставляя тарелки на скатерти с вышивками и фестонами. — Мы подъехали, а у ворот такая... странная машина! Я подумала, что-то случилось.

— Я приехал за сыном, — сказал Липницкий. — Мы не очень поняли, где он и с кем.

— Пап, я же тебе сказал, где и с кем!..

— Ты сказал, что поехал провожать каких-то девиц!

— Не каких-то, а нас! — опять закричали сверху, и по лестнице скатилась та самая очень сердитая и очень молодая девушка с хвостом на макушке.

— Моя дочь Настя, — представила Тонечка. — Только, пожалуйста, не шуми! Садись обедать.

— Я не хочу обедать! — Девушка топнула ногой. — У человека все украли! Все!.. Он что, теперь должен пропасть, да? Потому что он бесправный и документов у него нету?!

— Человек сейчас получит обед и не пропадет, — отчеканила Марина Тимофеевна. — К столу, Настя. И зови человека!

— Я здесь.

Герман наблюдал за Липницким, а Липницкий наблюдал за происходящим, очень внимательно.

...Как-то все... странно. Неправдоподобно. Не годится для сценария!

— Солянка и пироги с капустой, — Марина Тимофеевна водрузила подле своего места громадную серебряную супницу. — Мальчик, давай свою тарелку.

Воинственная Тонечкина дочь немного помедлила возле стола, словно принимая какое-то решение, а потом плюхнулась на стул рядом с зареванной подружкой. Марина Тимофеевна мельком взглянула на них, и лицо у нее тоже повеселело, как у Липницкого несколько минут назад. Герман все замечал.

От огненной солянки шел такой дух, что девицы синхронно проглотили голодную слюну и взялись за ложки. Даня вовсю хлебал и время от времени словно похрюкивал от наслаждения.

— Налейте тогда и мне тоже, — попросил его отец, развеселившись окончательно. — Что ты глаза закатываешь, Данька?!

— Вкусно, ужас, а я есть хочу с самого утра.

— Все равно не хрюкай, неприлично.

Даня кивнул, откусил половину пирога и опять хрюкнул.

Некоторое время все ели. Просто ели, не в силах оторваться.

Как только Даня доел, Марина Тимофеевна налила ему еще тарелку, даже спрашивать ничего не стала.

— А пироги остались?..

— Сколько угодно! Тонечка, подай пироги. Вон, в кастрюльке.

— Так не бывает, — сказал Липницкий, не отрываясь от солянки. — Люди так не готовят. Или вы мишленовский шеф?

— Я искусствовед.

— Плохи наши дела, — заключил Липницкий. — Будем с Данькой приезжать столоваться.

И Марина Тимофеевна засмеялась, польщенная. Настя даже есть перестала и усталилась на бабуку в изумлении. Надо же, прям хохочет!..

Вот так всегда бывает, всегда!.. Когда жратва вкусная и ее много, от пуза, люди тупеют на глазах! Даже Даня и тот!..

— У Джессики украли документы, — жестким голосом начала она. — Все. Прямо на «Мосфильме»!

— Позволь, у кого украли? — переспросила бабука. Оглохла она, что ли?!

— У Джессики, — и внучка подбородком показала на вторую девчущку. — Ее зовут Джессика Костикова.

Даня хрюкнул громче прежнего.

— Зовите меня Джесс, — пропищала девчущка. — Так короче.

Тут хрюкнул лошениый папаша.

— Нет, а что такое?!

— Короче говоря, все украли, — вступил Даня. — Можно еще один пирог? Мы были на «Мосфильме», там пробы в сериал «ПТУ», между прочим, это расшифровывается как «Пускай тебя убьют».

— Рабочее название, — торопливо вставил Герман, словно это имело значение.

— Мы уже собрались уходить и наткнулись на Джессику. И решили, что должны как-то помочь. И приехали сюда. А потом вы все тоже приехали и стали на нас орать.

— Мы не орали, — возразила Марина Тимофеевна энергично. — Может быть, чай с мятой, а не с молоком?

— С мятой! — возликовал Даня. — Конечно! Мы раньше часто пили, да, пап? А потом перестали, когда бабушка умерла. Между прочим, мы вас сегодня видели на «Мосфильме», — сказал он Герману. — Вы приехали вместе с Настинной мамой. Вас там все так боятся, ужас.

Тонечка переводила взгляд с постороннего мальчика на свою дочь.

— Да, — язвительно сказала Настя. — Мы были в том самом павильоне, мамочка! Мы все видели!

Тонечка взялась за лоб, но потом спохватилась и поправила волосы. Вид у нее сделался испуганный и виноватый. Герман ничего не понял.

— Мы как-то неприлично себя вели? — осведомился он. — Или что?

— Не ваше дело.

— Настя!

— Мы с тобой потом поговорим, — зловеще пообещала дочь матери. — А сейчас нужно решить, как спасти Джессику.

Марина Тимофеевна подошла и положила руку Тонечке на плечо.

— Нужно позвонить родителям, — резюмировал Липницкий. — Или уже позвонили?

— Как?! — воскликнула Настя со страстью. — Как позвонить?! Телефон украли!

— С другого телефона.

— А номер?! Номер был в телефоне!..

— Ах, вот в чем дело.

— Мы что?! Должны все эти цифры запоминать, что ли?!

— Как раз на такой случай неплохо бы запомнить, — сказал Липницкий насмешливо и обратился к Джессике: — Запишите мне полные имена ваших родителей и какой компанией мобильной связи они пользуются.

— Зачем? — пролепетала Джессика. Она боялась всех этих людей, но особенно, конечно, мужика с седыми волосами и строгую тетку, Настину бабушку.

— Я постараюсь завтра же их разыскать.

Он так сказал, что стало ясно — разыщет. Допустить это было никак нельзя. Если он узнает, всему конец!..

— Я... сейчас. Сейчас того... напишу! Насть, где мне... того... мамку с бабушкой...

Написать-то можно все, что угодно, вдруг подумалось Джессике. Пока они проверят!..

— Откуда ты приехала? — спросила строгая тетка строгим голосом, и Джессика еще больше перепугалась.

— Так из Мышкина я, — почти прошептала она. — В театральный поступаю. Второй раз уж. В прошлом году не поступила...

— Мышкин — это на Оке? — спросил Даня Липницкий.

— Не, на Волге.

— Где ты ночуешь?.. — не отставала Настина бабушка.

— В квартире койку снимаю. В этой... как ее... в Капотне. Только как я теперь туда поеду, когда денег нема?

Настя с тревогой посмотрела на мать и бабуку. Не выгонят же они человека на ночь глядя?! Или выгонят?.. Это они легко, особенно бабушка, конечно.

— Я могу отвезти, — вызвался Герман, которому чем дальше, тем больше все происходящее казалось странным и неправдоподобным.

Сценарий с таким сюжетом он бы точно забраковал!..

— Не нужно никуда никого везти, — сказала Марина Тимофеевна. — Девочка переночует у нас. У Насти в комнате замечательный диван. Его, правда, нужно разобрать.

— Вас не вызывали к следователю? — спросил Липницкий почему-то у Марины Тимофеевны. — Мы же все в неприятную историю попали!

— Ничего себе, неприятная история! — фыркнула Настя. — Человека убили!..

— Нас пока не вызывали, но Тонечка собиралась следователю звонить.

— Я хотела рассказать про часы, — вмешалась Тонечка. — У Светы Дольчиковой были очень приметные часы, их Настя запомнила. А потом они пропали.

— Они были похожи на мои, старинные, еще прабабушкины. Мы думаем, вдруг это как-то поможет делу. Может быть, найдутся следы.

— Н-да, — сказал Липницкий и поднялся из-за стола. — Нелепца какая-то. Молодая женщина, актриса — и вдруг упала с пожарной лестницы и сломала себе шею. Средь бела дня!

— Ее убили, — отчеканила Настя.

Джессика Костикова слушала с жадным любопытством. Страдания и горести были начисто забыты.

Липницкий подошел к книжным полкам.

— Сколько книг, — продолжал он, не меняя тона. — Целое богатство!.. В моей молодости считалось, что домашняя библиотека — признак интеллигентности. И одновременно зажиточности!.. Хрусталь и ковры просто у зажиточных, а у интеллектуалов еще и книги!

— Так ведь все почти вернулось обратно, Андрей Данилович, — сказала Марина Тимофеевна. — Теперь наличие книг в доме, хоть каких-нибудь, вновь признак интеллекта и богатства хозяев.

— У вас Чехов в сером переплете?

— В сером. Вон он, полное собрание.

— А Достоевский зеленый?

— Зеленый.

— Тогда Толстой, который Алексей, а не Лев, должен быть желтый.

Марина Тимофеевна опять засмеялась и тоже подошла к полкам:

— Каким же ему быть? Конечно, желтый.

Джессика толкнула Настю в бок:

— Чего это они?

Та дернула плечом:

— Выпендриваются они.

— Раньше были подписные издания, — стала объяснять Тонечка. — Продавали подписку на собрание сочинений. Книги приходили в книжный магазин по одной, их нужно было выкупать. И те, старые собрания сочинений у всех одинаковые. То есть одинаково изданные.

— Диккенс болотный такой, как моя машина, — подхватил Герман.

— А Шолохов синий, — вставил Даня.

Еще и он вступил — и ты, Брут! Настя не могла больше выносить этот бред.

Она подбежала к полкам, выхватила том и сунула Липницкому под нос.

— А вот это книга моего отца! — объявила она звенящим голосом. — Он был отличный писатель, самый лучший! Что? Не читали? Только на Шолохова силенок хватило?!

— Настя!

— Ба, отстань! Ты никогда его не любила! Никто из вас его не любил!

Липницкий взглянул на нее, взял книгу, полез в нагрудный карман, достал очки, нацепил на нос и быстро прочел:

— Феофан Конь, «Ледяная роза Агурии». «По равнине он ехал шагом, опасаясь провалов и трещин. Два голубых солнца, висевших над зубчатыми пиками ледяных скал, заливали мертвенным светом Долину Теней. Так называли это проклятое место Проводники. Особая каста Проводников ютилась в скальных пещерах, куда никто не знал хода. От страха его тренированная и выносливая хорса шерилась, грызла упряжь, и по всему мускулистому телу время от времени пробегала волна дрожи. Он знал, что хорса предчувствует беду — эти животные обладали телепатическим даром».

Липницкий захлопнул книгу и сказал:

— Дадите почитать?

— Вам понравилось, да?! — просветлела Настя. Покуда он читал, она стояла замерев, только шевелила губами, повторяя за Липницким волшебные слова. — Это же так круто, правда?!

— Твой батька писатель? — вдруг восхитилась Джессика Костикова. — Самый настоящий?! Его прям в книжке напечатали?!

— Да у него много книг! «Братство рапир», «Семь темных всадников», «Каменные кентавры времени» — это он все написал!.. Только я вам книжку не дам, она еще при папе вышла, я не могу дать, вдруг вы потеряете!..

Герман заметил, как переглянулись взрослые — Тонечка и Марина. Ничего хорошего не было в их переглядываниях, только беспокойство и как будто... страх.

Словно они тоже предчувствовали беду, как непонятная хорса из книжки!..

Липницкий вернул книгу на полку.

— Я попрошу помощника, и он мне найдет, — сказал он, словно успокаивая Настю. — Даня, нам пора ехать, теперь уж точно.

— Да мы уж все съели, можно ехать, — согласился Даня.

Никто не засмеялся.

— Я провожу, — вызвалась Тонечка.

— Я тоже поеду, — сказал Герман.

Она кивнула. Ей было не до него.

Липницкие уехали моментально — двери представительской «Ауди» словно сами собой распахнулись им навстречу, Даня плюхнулся на заднее сиденье и прокричал оттуда до свидания, затем сел отец, машина поехала фонарями, ходко взяла с места — и как не было ее.

Тонечка и Герман немного постояли, глядя ей вслед.

— Интересные ребята, — заметил Герман в конце концов. — Как-то... неожиданно все вышло. Липницкий собственной персоной!

— Что я Насте скажу? — сама у себя спросила Тонечка. — Столько лет она ничего не знала, и у нас получалось!..

— Что получалось?

Она махнула рукой:

— Жить. А теперь что делать?

Он не стал ничего спрашивать. В конце концов, его решительно не касается, как именно будет жить ее дочь. Вот как она сценарий поправит — это да. Это стоит обсудить. Такой прекрасный предлог!..

Про предлог он тоже особенно размышлять не стал. В его жизни полно женщин, которые нравятся ему. Просто нравятся!

— Жду вас завтра у себя в кабинете, — сказал Александр Наумович деловым тоном. — Все решим и обсудим.

Тонечка вздохнула — тяжело.

— В котором часу?

— Давайте в одиннадцать. Пропуск на этаж вам закажет моя приемная.

Вскочил в свою высоченную машину и уехал.

Тонечка передернула плечами и вслед передразнила тихонько:

— Закажет приемная! Давайте в одиннадцать!

Она побрела к дому. Необходимость объяснений с дочерью с каждым шагом придавливала ее все сильнее, как мешок с солью пермского грузчика. Она горбилась и шаркала ногами.

— Я тебя видеть не могу, — выговорила дочь, чеканя слова, едва только мать вошла. — Я тебе слова не скажу больше. Ни-ког-да! Поняла?..

И умчалась наверх. Бабахнула дверь.

— Что нам теперь делать? — спросила Тонечка, зная, что Марина Тимофеевна где-то рядом, все видит и слышит. — Что мы станем ей врать?..

Дверь в свою комнату Настя заперла на замок. Тонечка несколько раз подходила ночью, осторожно дергала, прислушивалась, но там было тихо, словно обе девчонки сбежали через окно. И утром дверь не открылась!..

За ночь Тонечка совершенно замучилась — серые, вязкие мысли лезли в голову, потом словно переползали в горло, не давали дышать. Воспоминания повывлезли из всех щелей и дыр, куда ни оглянешься, как ни стараешься отвлечься, везде они, и не получается отвлекаться!.. Она попеременно пила то чай, то валокордин, голова была тяжелой и словно чужой. Время от времени Тонечка трогала голову, чтобы убедиться, что это именно ее голова.

Завтракать она не стала — никого не было на кухне, никто не вышел ее провожать. Кофе пить тоже не стала, за ночь так отекла, что глаза не открывались.

...Позвонить в приемную великого продюсера и сказать, что заболела?.. Самое лучшее сделать именно так! Но «заболеть» — значит, остаться дома и объясняться с Настей. Это гораздо страшнее.

И Тонечка поехала в центр.

Она твердо решила, что переписывать чужой сценарий ни за что не станет, так не принято, да и репутацией она дорожит — в конце концов, Александр Герман не единственный продюсер на свете! Конечно, один из самых главных, немного главнее других главных, но все равно.

Еще она решила, что ту сценарную заявку, которая должна была быть готова «вчера», нет, теперь уже «позавчера», она будет писать долго. Так долго, чтобы вышли все сроки и утвердили бы еще чей-то сценарий. Ей не придется работать с Германом, поддерживать его теории и завиральные идеи и вообще — делать то, что он говорит. Она не хочет делать то, что делать не хочет, и никто ее не заставит. Она не пропадет, как не пропала тогда, при муже!..

Получалось, что все ее мысли — про работу, сценарии и Германа — только про дочь и мужа, а сценарии и прочее — ерунда, неумелая маскировка от самой себя.

У нее в голове словно разговаривали две разные женщины, и обе — она сама.

...Если бы он остался жив, ему пришлось бы разбираться самостоятельно. Но он умер — дезертировал, скрылся, все свалил на мои плечи. — Ты все придумываешь! Ты только и делаешь, что придумываешь невесть что! Не стал бы он ни с чем разбираться! Он заставил бы тебя. — Нет, не так. Ты сама себя заставила бы, понимая, что он не может, не в состоянии!.. Тогда какая разница, умер он или не умер! Ты всегда

могла виртуозно заставить себя делать что угодно, если понимала, что это необходимо — прежде всего дочке, или маме, или тебе самой. По гамбургскому счету, на всех остальных тебе всегда было наплевать, в том числе и на мужа! Вот и получается, что ты его убила. — Ты?! Ты и это хочешь присвоить?! Его смерть?! Ты хочешь отвечать и за него тоже?! Помилуй бог, он был человек, взрослый, умный, а ты до такой степени считаешь его ничтожеством, что даже его смерть принадлежит тебе?! Ты хочешь расплачиваться... за него, как в ресторане?! Ничего у тебя не выйдет на этот раз. Ты должна остановиться сама, или тебя кто-нибудь или что-нибудь остановит, и эти кто-то или что-то будут всерьез, по-настоящему страшными! И ты умрешь от страха, просто от страха. И не помогут тебе ни мать, ни дочь. И ты им больше ничем не поможешь!..

Тонечка сидела, вцепившись в руль, возле подъезда телерадиокомпании, не слыша сигналов и ругани, не замечая людей, которые пытались протиснуться мимо ее машины, крутили пальцем у виска и мотили кулаками в капот.

Она сидела и сосредоточенно думала.

— Вы что?! Обалдели?!

В окно просунулась загорелая рука, нашарила на двери кнопку центрального замка. Дверь распахнулась.

— Двигайтесь! Ну! Быстрее!..

Тонечка неловко перелезла на пассажирское кресло.

Дверь захлопнулась, машина тронулась.

— Да что случилось-то, вашу мать?!

И она словно проснулась. Гряхнула головой и стала неистово тереть глаза, в которых щипало и чесалось.

Александр Герман притормозил перед железными воротами, перевавил через «лежащего полицейского», приткнул Тонечкину машину в самый дальний угол начальничьей стоянки, где было свободное место, и вынул из зажигания ключ.

— Вы ненормальная? — осведомился он, повернувшись к ней. — Как это я сразу не догадался!

— Я задумалась. — Тонечка перестала тереть глаза. — Мне есть о чем подумать.

— Посреди улицы?! Средь бела дня?! В центре Москвы?!

— Простите.

— Выходите.

Она покорно вылезла.

Должно быть, дома у нее совсем неладно, подумал Герман. Лицо опухло, от жизнерадостности не осталось и следа, плечи сгорблены. Даже кудри на голове как-то поникли.

Он поднял было руку, чтобы погладить ее по голове — как еще утешить-то? — и остановился.

Шмыгая носом, она искала что-то в сумке, а он сосредоточенно смотрел на нее.

...Оно мне нужно?.. Вот это все? Строптивая дочь, железная мать, покойный муж Феофан Конь, прости господи!.. Зачем это может быть нужно мне? Для развлечения — ничего себе развлечение! Для коллекции — там представлены гораздо более выдающиеся экспонаты! Для умных разговоров — полно, какие умные разговоры в моем возрасте!

Получается, что не нужно. Забудь и поезжай по делам. Бог с ней.

Тонечка перестала рыться в сумке, пожалала плечами, немного подумала, склонив голову. Потом спохватилась, нашарила в кудрях темные очки и водрузила их на нос. Вздохнула и посмотрела на него.

— Я правда с приветом, — извинилась она. — Это всем известно.

— Раньше я не знал.

— Ну да, да.

Он взял ее за руку выше локтя и повел за собой. Она с готовностью пошла.

Герман довел ее до своей машины, цвет которой был «как Диккенс», и распахнул дверь.

— Садитесь.

Тонечка залезла в салон.

— Планы изменились, — сказал он, и это была чистая правда. — Мы сейчас поедem к Василию, здесь не далеко, на «Соколе». А потом вернемся на работу и поговорим.

— К... какому Василию? — не поняла Тонечка.

— К режиссеру Филиппову. Секретарша не может ему дозвониться, он трубку не берет, а я не могу найти родителей Светы Дольчиковой.

— Вы думаете, он знает ее родителей?

— Ну, кто-то должен знать, — заметил Герман с некоторым раздражением. Впереди неслось многополосное Ленинградское шоссе. Они влились в поток. Поток подхватил их и понес. — Если он не знает, нужно бывшего мужа искать. А мне проще с Василием! Он меня слушается.

— Вас все слушаются, — пробормотала Тонечка.

В квартиру режиссера Василия Филиппова — псевдоним Ваня Су-санин — они ломились довольно долго. И безуспешно.

— Никого нет, — в конце концов сказала Тонечка. И вдруг зачистила: — Послушайте, а если его убили? Помните, он говорил, что его могут убить!

— Что вы несете!

— Нет, правда! Нужно в отделение позвонить. Или тому нашему майору, у меня телефон есть! А давно Василий к телефону не подходит?

— Все утро ему секретарша безрезультатно звонила...

— Может, соседей спросить? Вдруг они знают, где он?

— Это вы из сценария сейчас шпарите? В какой московской многоэтажке соседи знают соседей?!

— По-всякому бывает.

— Не бывает.

— Тогда я звоню майору.

В эту минуту в железной двери заскрежетало, дрогнуло, и она распахнулась.

Василий Филиппов стоял на пороге, ухватившись неверной рукой за косяк. Он был то ли в лоскуты пьян, то ли «под кайфом», ноги держали его плохо.

— Че надо? — с трудом выговорил он, повернулся, чуть не упал и ушел в квартиру.

Герман от души выматерился и вошел следом.

— Ты кто? — спросил Василий Германа. — Ты чего привез? Выпить? Тонечка огляделась.

Квартира была большая, новая, следовательно, неудобная и вся словно запакошенная, зашарканная. Светлые деревянные полы в черных длинных полосах, добротные двери захватаны, в коричневых пятнах, медная ручка болтается на одном винте. Картины — неумелые изображения треугольников и квадратов — в пыльных рамах. Задернутые шторы провисали через неравные промежутки, как видно, крючки оборвались.

Василий Филиппов повалился на диван с засаленной подушкой. Сам он тоже выглядел помятым и засаленным — во вчерашнем деловом костюме, под который была надета спортивная кофтенка на «молнии», а сверх кофтенки привязан галстук.

— Вась, у тебя есть адрес Светкиных родителей? — будничным тоном спросил Герман. — Или телефон, все равно?

Василий дрыгнул ногами, подтаскивая их к груди.

— Вась, очнись.

Тот разлепил глаза.

— Ты кто?

— А ты кто? — разозлился Герман.

— Подождите, так нельзя, — вмешалась Тонечка. — Он же пьяный! С пьяными аккуратно надо.

Она присела перед диваном на корточки и спросила тихонько, сочувственно:

— Вася, плохо тебе?

Василий закивал, не открывая глаз.

— Водички дать?

На журнальном столике перед диваном стояли ополовиненная бутылка вина, какой-то трудноопределимый коньяк, на самом донышке, «Мартини», примерно треть, остатки водки и какого-то ликера.

— Ты из всех сразу бодряжишь? — спросил Герман, морщась.

— Коктейль, — собравшись с силами, изрек режиссер. — Умру сейчас.

— Если пока не помер, значит, еще продержишься.

— Уйди отсюда! Я тебя не звал! Я Светку звал, а она не идет, зараза! Они все меня бросили, все! Жена бросила! Катька бросила! Людка тоже, Светка! До этого Леночка еще! А я умираю!

— Нужно воды, аспирина и «Скорую», наверное, — решила Тонечка. — Мы сами не справимся. Если он все время пил «ерш»!

— Слова всякие она знает, — пробормотал Герман. Он чувствовал брезгливость от того, что она так хорошо разбирается в алкоголиках. — Вася, где твой телефон?

— Нету.

— Где он, Вася?

— Хрен знает! Выбросил!

— Зачем?

Василий заплакал.

— Звонит то и дело. Я боюсь. Светку убили, ко мне подбираются.

Тонечка зачем-то полезла в холодильник. Краем глаза Герман следил за ней.

— Вася, где Светины родители живут? Соберись, ну!..

Тонечка вернулась с бутылкой воды, стаканом и полотенцем. Из бутылки она намочила полотенце, пристроила Василию на голову, налила воды в стакан и стала совать ко рту страдающего.

— Попей, попей, — приговаривала она, — полегчает, точно тебе говорю.

Василий крутил головой, морщился и мычал. Вода текла по щетинистой шее, проливалась на пиджак и олимпийку.

— Я ей все отдал, — вдруг выкрикнул он, отгалкивая Тонечкину руку. Вода из стакана широко плеснула, попала Герману на джинсы. — Все, что у меня было, все мое богатство! У меня же оно было, богатство! И я ей отдал! А ее убили! И я... умираю!..

— Саш, давайте правда «Скорую» вызовем?..

Герман полез в карман за телефоном.

— У нее вся жизнь была в этих часиках, — продолжал бормотать Василий. Желтое лицо его покрылось потом. — Так она говорила. А мне передали, они пропали, и жизнь пропала, и моя пропала тоже.

— Чья жизнь? В каких часиках, Вася? Так Света говорила, да? Про свои часы?

Василий стал закатывать глаза. Тонечка быстро оглянулась на Германа, вид у нее был испуганный.

— Песчаный проезд, дом тринадцать, квартира сто, — говорил тот в телефон. — Похоже на сердечный приступ. Лет сорок, точно не знаю. Василий Филиппов. Мой телефон?..

— Найди, — прохрипел Василий. — Она умерла, но ты найди. Хорошая девочка... жалко...

— Внизу домофон, просто набираете номер квартиры. Когда вас ждать? — громко спрашивал Герман трубку. Подошел и отдернул пыльную штору. В комнату ринулся солнечный свет. — Нет, давайте точнее! Я понимаю, что много! Я все понимаю, но...

— Он умер, — вдруг сказала Тонечка. Она стояла возле дивана на коленях.

Герман в один шаг оказался рядом, зачем-то сунул Тонечке свой телефон и посмотрел.

Василий Филиппов лежал вытянувшись и не дышал. Лицо у него было такое, словно он умер давно, несколько дней назад.

— Человек умер, — проговорила Тонечка в телефон. — Да, только что. Пока вы беседовали. Приезжайте.

Герман взял ее за плечо. Она поднялась и посмотрела ему в лицо.

— Дать тебе воды? — спросил он буднично.

— Я не хочу пить.

— Давай я тебя в кресло отведу.

— Саш, я не хочу сидеть.

Они еще немного постояли рядом с Василием.

— Ерунда какая, — пожаловался Герман. — Ну, что это такое?!

— Это жизнь такая.

— Ничего в ней не понимаю. Чем дальше, тем больше не понимаю.

— Никто не понимает.

Так они стояли над мертвым режиссером Филипповым и разговаривали обыкновенными голосами.

— Как ты думаешь, его на самом деле убили?

— Он помер у нас на глазах. Ты его не убивала? Потому что я точно нет.

— Я серьезно спрашиваю, Саша!

— А я тебе серьезно отвечаю.

— Но ведь он все время вчера повторял, что его убьют. А сегодня умер.

— Он умер с перепоя.

Тонечка вздохнула:

— Хорошо бы так.

— Хоть как, все равно никакого удовольствия, по-моему.

Она улыбнулась против воли.

— Ты какой-то непробиваемый мужик, — сказала она, пожалуй, с уважением.

— Ну, всерьез оплакивать его я не в состоянии.

— А кто к нему приходил, ты не знаешь?

— В каком смысле — приходил? Он все время с кем-то жил, одно время с женой, потом с девицами всякого сорта. Разумеется, кого-то из них я знаю, но не всех.

— Нет-нет, кто ему приносил еду и выпивку?

— Понятия не имею! Да, наверное, он сам и приносил! Вряд ли у него прислуга!..

Тонечка осторожно, словно боясь разбудить спящего, отошла от дивана и поманила Германа за собой:

— Иди сюда.

— Что? А, иду.

Она открыла холодильник — осветилось пластмассовое нутро, заросшее по задней стенке желтой ледяной шубой.

— Смотри.

Он заглянул. Холодильник был пустой и заброшенный, как и квартира. На полках ничего, кроме двух усохших сморщенных сосисок и лимона с магазинной наклейкой.

— Ну, я смотрю.

Тонечка взяла лимон и сунула ему под нос.

— Видишь наклейку? Такие клеят в супермаркетах, когда продают поштучно. Яблоки или апельсины. Или лимоны! Их взвешивают и прилапывают бумажку с ценой и датой. Видишь?

Герман повертел лимон перед глазами.

— Сегодняшнее число, — сказала Тонечка. — К нему кто-то сегодня приходил. Принес лимон. И бутылки.

Герман серьезно посмотрел на нее.

— Почему бутылки? Здесь нет никаких бутылок.

— Зато вон там есть, под столом.

Они вернулись в комнату, и Тонечка полезла под журнальный стол.

Герман присел на корточки и тоже заглянул.

— Вот это вчерашние бутылки, — шепотом заговорила Тонечка и стала показывать, какие именно вчерашние. — А на столе сегодняшние.

— Чем они отличаются?

— Под столом только бутылки из-под виски и коньяка. А на столе, видишь, какой набор.

Он взглянул на стол.

— Вчера и ночью он пил виски и коньяк. А сегодня и вино, и мартини, и водку! И коньяк совсем другой. Под столом «Арагат», а это, по-моему, киргизский, что ли...

Рассматривать бутылки и рассуждать про коньяк рядом с только что умершим человеком Герману было неважно, зря Тонечка назвала его «непробиваемым»!

Он взял ее за штрипку джинсов, потянул, заставил вылезти из-под стола и увел на кухню.

Открыл кран и умылся холодной водой. Руки вытер о джинсы, а лицо вытереть было нечем, капли падали с подбородка.

Она проворно достала из заднего кармана упаковку бумажных носовых платков и подала.

— Саш, тебе нехорошо?

— Мне отлично. Я только хочу отсюда уехать.

— Хочешь, езжай, а я дождусь «Скорую».

— За кого ты меня принимаешь?

— За современного мужчину, которому не нужны никакие лишние проблемы.

— Все проблемы, — подхватил он, — современные женщины решат сами!.. Я не понял про бутылки, объясни мне.

— Вчерашние бутылки под столом, они совсем другие. Там три из-под виски, все одинаковые, «Чивас» и одна из-под армянского коньяка. Это дорогие бутылки!.. А на столе что попало, и все дешевое! Вино «Мацеста», водка «Ледяная капля», «Мартини», персиковый ликер. Не хватает только «Тройного» одеколона!..

— У него деньги кончились. Так не может быть?..

— Он бы купил что-нибудь одно, как ты не понимаешь! Три бутылки водки, например. И он никуда не выходил! Куда он мог выйти в таком состоянии! Он все время пил! Вчера его привез твой водитель, оставил, пьяного, и он продолжал пить! А утром кому-то позвонил или ему кто-то позвонил, и он сказал — привези мне выпить. И ему привезли... ассорти.

— Телефон, — вдруг вспомнил Герман. — Васька сказал, что телефон он выбросил, потому что тот звонил все время. Должно быть, моя секретарша звонила. Она все утро ему звонила, а он трубку не брал!

Они полезли под раковину, достали ведро и заглянули. Там было пусто. То есть совсем пусто — ни бутылок, ни объедков, ни даже мусорного пакета! Телефона не было тоже.

— Подожди, я попробую позвонить.

Герман нажал кнопку, и они стали прислушиваться и оглядываться по сторонам.

— Не звонит, — констатировала Тонечка. — Может, он его из окна выбросил?

— Окна не открываются. Я штору отдернул, обратил внимание.

— Как?!

— В высотках они не открываются, Тонечка. — Он вдруг усмехнулся. — Ты дикий человек! Привыкла на своей даче из окна глядеть на лужайку!.. И еще небось дождь слушать!

Тонечка и впрямь всегда открывала окно в дождь. Даже весной и осенью, когда дожди шли холодные!

— Телефон забрал тот, кто принес ему выпивку, так получается, да?

Герман пожал плечами:

— Зачем?

— Я не знаю зачем, Саша! Я предполагаю! Я написала столько детективных сценариев! Вот и выходит, что его убили.

— Он умер у нас на глазах.

— Ты это уже говорил.

Домофон разразился залиvistыми трелями. Они оба вздрогнули от неожиданности и посмотрели друг на друга.

— Приехали, — сказала Тонечка.

— Объясняться будем до завтра, — сказал Герман.

...Гастроли бабка давала с самого утра.

Хорошо, что в школу можно было не ходить между майскими праздниками.

Как только мать уехала в город — Настя слышала хлопанье дверей и звук ее машины, — бабка выползла из своей комнаты, пошуршала внизу, потом поднялась на второй этаж, постучала в дверь и велела вставать.

— Мы не хотим вставать! — прокричала Настя.

Джессика проснулась, махнула рукой, натянула на голову одеяло и повернулась на другой бок.

Но бабка не отставала.

— Мы не встанем!

— Завтрак на столе.

— Мы не хотим!

Бабка продолжала стучать.

Джессика сорвала одеяло, села на диване и вытаращила глаза. Огляделась, вздохнула и почесала ногу.

Бабка стучала.

Настя знала, что она может так простучать хоть час, хоть два, хоть до завтра!..

— Ба, отстань! Мы не будем завтракать!

— Есть охота, страсть, — прошептала Джессика и покрутила рукой по животу, показывая, что он абсолютно пуст.

Стук продолжался.

Настя сорвалась с кровати, подбежала и наотмашь распахнула дверь.

— Доброе утро, — невозмутимо поздоровалась бабка. — Умываться, одеваться и за стол. У меня мало времени.

Пришлось вставать, канителиться с одеванием и умыванием — по детской привычке Настя терпеть не могла умываться и усаживаться за стол.

— Почему ты решила поступать в театральный, Джессика?

Та стрельнула в бабку глазами, поежилась, положила ложку и, глядя в пол, тихо-тихо проговорила, что хочет быть актрисой.

— Ты любишь театр?

Джессика совсем поникла и прошептала, что любит кино.

— Ба, отстань от нее, — велела Настя.

Бабка и ухом не повела.

— Какое же кино ты любишь? Иностранное или отечественное?

Джессика умоляюще посмотрела на Настю — спасай.

— Ба, ты не смотришь кино, которые мы любим.

— Вполне возможно, и все же?..

Настя закатила глаза.

— Мы любим настоящее кино! — закричала она. — Настоящее! «Низкие игры», к примеру! Ну чего?! Ты небось даже не слыхала! «Утопия», «Баттл он Реймс», «Паук Рембрандта»!

— Я «Игру престолов» сильно люблю, — еле слышно призналась Джессика. — Жуть просто.

— Ну, разумеется, — не моргнув глазом согласилась бабка. — Великое произведение искусства.

— А ты не знаешь, и не говори! Ты смотрела? Хоть одну серию смотрела?!

— Я посмотрела две, — проинформировала Марина Тимофеевна, и обе начинающие артистки уставились на нее в изумлении. — Очень много голых людей и очень много коней. Я быстро заскучала.

— Еще бы! Это для молодых кино! Для мо-ло-дых!

— И бедных, — подхватила бабка. — Для молодых и бедных.

Нужно было пропустить мимо ушей, не нарываться, но Настя была слишком задета.

— При чем тут это? Бедность при чем?

— Джессика, чай или кофе?.. Или, может быть, кипяченого молока?.. — Не дождавшись ответа, Марина Тимофеевна налила гостю чаю с молоком и стала неторопливо расправлять закатанные рукава рубашки. — Видите ли, девочки. Бедный человек не может позволить себе почти ничего, только ежедневную, изнурительную, очень скучную работу за мизерное жалованье. У него нет возможности думать, читать, созерцать... сады Ватикана!.. Ему некогда, и нет сил. Он должен работать и кормить детей. Но человек так устроен, что не может прожить без отвлечения и развлечения. Даже в сталинских лагерях была самодеятельность! И эски пели и плясали, спектакли ставили, это исторический факт.

— Ба, куда тебя понесло?! Лагеря какие-то, эски!.. Что такое?!

— Человек умирает от скуки на работе, и если он еще будет умирать от скуки вне работы, вскоре трудиться станет некому. Для того чтобы рабы не вымерли совсем, повелители придумали кино, которое вам так нравится! Много красивых и уродливых людей, уродство отлично развлекает, пейзажи, приключения. Лошади скачут. Иные миры угрожают нашему миру. Наш мир угрожает большой любви. Можно много интересного придумать и показать красиво!..

— Повелители? — переспросила Настя, нахмурившись.

— Ну, конечно, — безмятежно отозвалась бабка. — Те, кто повелевает вами и правит миром. Они говорят вам, как любить, куда смотреть, во что одеваться и что есть. Вы же не можете себе позволить жить! Вы можете только смотреть придуманную жизнь. В кино или в Инстаграме, там тоже все придумано, ни слова правды. А вам нравится, разумеется, потому что это... весело.

— Нам — это кому?

Бабка подняла брови:

— Молодым и бедным. Мы же о вас говорим.

— А тебе, значит, кино никакое не нужно, интернет тоже не нужен, потому что ты богатая и старая!

— Ну да, — согласилась Марина Тимофеевна, и Настя вытаращила глаза.

— Да у тебя пенсия двадцать тыщ, миллионерша! — в поисках поддержки Настя оглянулась на Джессику, но вид у той был перепуганный,

никакой поддержки не получилось! — Ты всю жизнь в музее просидела, никем не стала, даже знакомств никаких не завела!..

— Тем не менее у меня есть все, чтобы жить счастливо, — не дрогнув, отрезала Марина Тимофеевна. — Именно жить, а не коротать время за компьютером или у телевизора.

Настя, которую сильно задело упоминание каких-то там «повелителей», злилась всерьез. Она свободный человек! Она выросла, когда все оковы уже пали, мир стал един, у каждого человека появилось право на собственное мнение и возможность его высказать! Повелители!.. Да она в сто раз свободней бабки, которая, кажется, диссертацию защитила только с третьей попытки, потому что идеологически диссертация чему-то там не соответствовала!

— Мы можем смотреть то, что захотим, и делать то, что считаем нужным, — начала она. — В отличие от вас! Вы ходили по струнке и в школьной форме!

Бабка засмеялась.

— Ну, разумеется. Школьная форма — символ рабства.

— Вот именно, дорогая бабушка!

— Форма — это просто форма. — И она снова засмеялась. — У вас ведь тоже форма, только вы этого не замечаете, бедные. Вы ходите в джинсах и толстовках, и они все одинаковые. Должно быть, китайские фабрики, где они пошиты, не стремятся к разнообразию. Да вы сейчас друг на друга посмотрите, девочки!..

Начинающие актрисы послушно уставились друг на друга.

Марине стало их жалко.

— Ну и что? — запальчиво сказала Настя. — Ну, джинсы, ну, толстовки! Нам так нравится!

— Вот именно, — заключила Марина Тимофеевна. — Вам нравится. Кошке тоже нравятся диван и лоток, к которым ее определили хозяева. Она даже не догадывается, что есть сад, трава, забор, птичка, на которую можно поохотиться, и соседская собака, которую нужно остерегаться! И это жизнь, девочки! А диван и лоток — рабство. Хотя есть корм и поролоновая игрушечка. К сожалению, массовая культура в современном мире — поролоновая игрушечка для безмозглых кошек.

— А что же делать? — спросила глупая Джессика, и Настя под столом пнула ее как следует.

Бабка, разумеется, заметила.

— Настя, веди себя прилично.

Глаза у внучки вдруг налились слезами.

— Вы с матерью просто уродки! — выкрикнула она и вскочила. — От тебя житья никакого нет, мать слова не может сказать, надо мной

ты вообще издеваешься! А сама только и делаешь, что врешь — вы обе врете! Папу со света сжили! Мать, оказывается, сценарии пишет, вон Герман с ней вась-вась! А мне ни слова! И не помог никто! Лучше бы вы меня в детдом сдали, когда папа умер!..

— Прекрати истерику, — велела бабка. — В доме гостья.

— А мне плевать! Мне вообще на все плевать, на вас в особенности!

Джессика испуганно дергала ее за полу толстовки. Настя схватила со стола чашку, собираясь швырнуть ее на пол — истерика должна быть настоящей, полноценной, во время истерики в кино всегда что-нибудь швыряют и разбивают, — но что-то ее удержало. Пожалуй, бабкин взгляд.

Бабка смотрела с сочувствием и даже болью.

— И нет у меня никаких повелителей! И я не кошка, а человек! Че-ло-век!..

Смутная мысль о том, что никакой истерики у нее уж точно нет и в помине, а кричит и рыдает она потому, что так предписывает «бог из машины», правила, согласно которым юная и одаренная девушка непременно должна то и дело ссориться со старыми и косными предками, вдруг так поразила ее, что она замолчала на полуслове.

...Как же так? Почему даже в такой момент она все делает... «по правилам», «как положено»?.. Кем и когда «положено»? И если «положено», значит, бабка права, и она, Настя Морозова, никакая не свободная личность, а раб?..

— Мы ничего от тебя не скрывали специально, — проговорила Марина Тимофеевна, разглаживая невидимые складки на скатерти. — Ты не слишком интересуешься нашей жизнью, и мы решили, что поговорим, когда тебе захочется. Мне очень грустно, что ты узнала случайно и против своей воли.

— Против воли, — повторила Настя и боком села на стул.

Наступила тишина. Слышно было, как тикают часы, посапывает батарея, как воробьи возятся в кустах сирени под окном.

— Подумайте, девочки, — вдруг серьезно попросила бабка. — Просто подумайте о жизни. Это так важно — время от времени думать собственной головой, а не интернетом!..

Джессика стрельнула в нее взглядом и вновь опустила глаза, как будто спряталась.

— Кроме того, нужно подать заявление о краже, — продолжала бабка словно ранее начатый разговор. — Поехать в отделение и подать.

— Все равно ничего не найдут, — глядя в пол, пробормотала Джессика.

— Не найдут, — согласилась Марина Тимофеевна. — Но ведь пропали документы! Их придется восстанавливать, для этого потребуется справка. Без заявления никакую справку никто не даст. Настя, у тебя есть телефон вчерашнего мальчика, Дани?..

— Есть, — очнувшись, сказала Настя и насторожилась. — Зачем он тебе?..

— Мне он не нужен, — успокоила Марина Тимофеевна. — Позвони ему и спроси, разыскал ли его папа родителей нашей гостьи. Если нет, дадим телеграмму.

— Кому? — встрепенулась гостья.

— Твоим родственникам. Адрес ты помнишь?.. Или он тоже записан в телефоне?

Тут Марине Тимофеевне показалось, что Джессика решительно не хочет, чтобы ее родственники нашлись. И телеграммы никакой не хочет! В чем дело?..

В Настиной голове в одну секунду созрел прекрасный план — раз бабка отпускает их в город, они поедут, быстренько накатают заявление, вызовут Даню и...

На этом план обрывался. Собственно, это был план по вызову Данилы Липницкого.

Собрались они в два счета, бабка выдала им субсидию — не бог вещь что, но на чашку кофе в приличном месте хватит, а если Даня приедет, он за них и заплатит, а что, у него папаша богатый, — и отправились.

Едва выйдя за калитку, Настя позвонила Дане, они договорились встретиться в центре. Джессика, вырвавшись на свободу, тараторила без умолку.

— Слушай, твой отец прям в книжках писал, да? Ну, круть! А мой ничего никогда не писал, он вообще писать не умеет, по-моему!.. Слушай, а ты во все институты провалилась, да? Я во все! В одном в прошлом году на второй тур пропустили, а потом все равно срезали. Говорят, берут только блатных! Правда это, не знаешь?.. Ты в кружок ходила? Я ходила! Мы там одно представление делали, зашибись! Видала фильм «Обыкновенное чудо»? Старый, но прикольный! Вот мы постановку по фильму делали!

— Почему по фильму, — не поняла Настя, — а не по пьесе?

— Да я ж говорю же ж!.. Это фильм такой, а не пьеса! А чего, ты пьесу такую видела?

Настя вдруг почувствовала себя бабушкой Мариной Тимофеевной — старой и умной.

— Да это Шварц написал! Драматург! Пьесу «Обыкновенное чудо»! А по ней фильм сняли!

Джессика страшно удивилась:

— Вона как! А нам не говорили! Нам сказали, фильм посмотреть. Я посмотрела и прям заболела, знаешь? Прям заболелая! Такие там люди! А один, Медведя играет, — красавец, жуть берет! Просто вот жуть!.. И я, такая, ночью лежу и думаю, думаю! И как будто я там, внутри, и он меня любит. Ты так на кого-нибудь думала?

Настя так думала сто раз, но отчего-то решила не признаваться. В электричке было пусто — утреннее столпотворение уже миновало, до вечернего далеко. Ей хотелось подумать — может, не о жизни, как велела бабка, но о чем-то таком, трудноопределимом. Джессике хотелось поговорить, и она все болтала.

— Я ему хотела в Инстаграм написать, а оказалось, что он помер давно, а я-то не догадалась, фильм старье!.. Но все так натурально, как будто вот про меня снято и про нашу с ним любовь. Я тогда так плакала, жуть просто. Даже в кружок не ходила, потом оттуда к матери пришли, спрашивают, чего это ваша девочка не ходит, художественная руководительница пришла, а мать, такая, говорит, не знаю, чего там у вас, только моя все время плачет!.. Слушай, а это твой парень, да? Ну, вчерашний? Слушай, он крутышка, да? Охранник у него!

— У его отца охранник.

— Да какая разница! А где ты его подцепила? Мой парень шас в армии сапоги топчет, только я за него не пойду, какие там перспективы? Сам из Ярославля, а уезжать не хочет, говорит, в Ярославле можно хорошо прожить, а чего там хорошего-то? А в Москву он не хочет. А я, такая, ему говорю, чего ты тут делать-то станешь? А он говорит, на нефтеперегонный пойду, там платят хорошо, а чего там платят? Одни слезы!.. Ну, нету перспективы! — Джессика выговаривала «перспективы», и Настя не поправляла. — Мне в Москве жениха нужно, из тутошних. Говорят, москвичи на приезжих не женятся, как думаешь, правда это? Только я решила точно — найду здесь! Ну, хоть одного какого-нибудь, но с перспективой! И чтоб квартира и дача тоже. У твоего друга есть неразобранные? Ну, неженатые то есть!..

— Во-первых, он не мой, — начала Настя. — Мы совсем недавно познакомились. И друзей его я не знаю. Знаю, что есть какой-то Ромка, он в прошлом году тоже в театральный поступал и завалил.

— Не, это не то, — бодро откликнулась Джессика. — Если завалил, значит, на бюджет поступал, а раз на бюджет, значит, бедный, мне таких без надобности! А чего ты друзей не знаешь? Посмотри в интернете, делов-то.

— Его нет в интернете.

— Как?!

— Так. Нет, и все.

Джессика Костикова засмеялась:

— Да ну тебя, шутки все! Так не бывает.

— Хочешь, проверь.

— Да у меня телефона нету!..

— Возьми мой. — Настя вытащила из рюкзака телефон.

Странное дело, электричка идет уж почти полчаса, а она ни разу не взяла в руки телефон. Там же вся жизнь! Там Марьяна, Рустам, Соня — она кул, — там постят и перепощивают, там кипят страсти и бурлит, бурлит... что там такое бурлит?..

Джессика выхватила у нее телефон, как умирающий от жажды путник в пустыне выхватывает бурдюк с водой у нашедшего его караванщика.

— Слушай, Насть, я еще своих посмотрю, ладно? — умоляюще проговорила Джессика. — Чего там у кого, я ничего не знаю! Телефон-то вчера пропал, а сегодня уже сегодня. На-асть! Можно?

— Можно.

...Оказывается, чтоб Джессика замолчала, нужно было просто дать ей в руки телефон. И все!.. Думать о своем сколько хочешь. В прошлом году на курорте родители так занимали своих младенцев, Настя видела. Стоит сунуть младенцу телефон, и он моментально перестает орать и вопить, уставляется в экран и замирает. Они с матерью завтракали в столовой в окружении этих самых младенцев с телефонами.

...Мать и бабка, конечно, хороши обе, чего там говорить!.. Мать, оказывается, не переписывает никчемные бумажки, а работает на самого Германа, и бабка в курсе, следовательно, они Настю предали! Ведь так? Что там бабка говорила? Настя не слишком интересуется их жизнью? Ну, у них и жизни никакой нету, нечем интересоваться! Оказывается, есть чем! Оказывается, есть огромная, непонятная, *тайная жизнь*, о которой Настя даже не догадывалась. И отец — так ей казалось — каким-то образом в эту тайную жизнь замешан.

Тут Настя словно бы испугалась — отец не может быть замешан ни в чем, кроме самого лучшего, талантливого, героического! Отец был самый умный, самый лучший, и мать с бабкой его не уберегли, потому что посредственности, а посредственности никогда не могут понять по-настоящему больших талантов. Но предательская мыслишка, что от нее скрывали нечто, связанное с отцом, и это нечто вовсе не героическое и не талантливое, уже оформилась у нее в голове. Пока что это была именно мыслишка, маленькое подозрение, но даже такое подозрение есть предательство! Настя единственная в семье, кто хорошо понимает и знает отца, она не имеет права дрогнуть ни перед

чем. Пусть они выдумывают все, что угодно, пусть. Настя знает цену выдумкам и никогда в них не поверит.

Успокоив себя немножко, она взбодрилась — вдвоем с папой ничего не страшно! — и сообразила, что проворонила остановку!

Пришлось выходить на следующей, ждать троллейбуса — метро от этой остановки было далеко, и совсем другая линия, сплошная канитель.

В отделении их промариновали часа два, и Настя там всех возненавидела. Никто не хотел брать заявление, никто не обращал на них внимания, вдоль стены на корточках сидели мрачные гости из сопредельных южных стран. Их по одному вызывали в кабинет, они выходили еще более мрачные. Да, и запах!.. Настя решила, что так, должно быть, пахнет в тюрьме.

...Когда она будет играть большую программную роль — ее героиню заключат под стражу, разумеется, по ложному обвинению, — ей пригодится этот запах и ощущение неволи, в которую попадает каждый, кто сюда приходит по своим невеселым делам.

«Невеселые дела» Насте понравились — как из сценария.

Как только у них все же приняли заявление, они выскочили на улицу и помчались наперегонки вприпрыжку — освобожденные пленницы.

Возле кафе на Никитской, где они должны были встретиться с Даней, Джессика оробела.

— Зачем нам туда? Смотри, вонпельменная!

— Какая ещепельменная!

— Здесь дорого небось, жуть.

Настя посмотрела на новоиспеченную товарку с сожалением, как бабушка Марина Тимофеевна подчас смотрела на саму Настю, и придержала перед ней дверь.

— Заходи.

Джессика зашла и оробела еще больше.

Несмотря на белый день, в кафе было полно народу, так что стоял гул голосов. Молодые люди в черных пиджаках и при галстуках торопливо поедали супы и салаты, нарядные девушки с прическами «из салона» тыкали наманикюрными пальчиками в телефоны и время от времени, словно спохватившись, принимались щебетать, красивые до невозможности официанты разносили чашки и стаканы, и все это было... кино.

Пусть не «Игра престолов», но именно кино, а вовсе не настоящая жизнь.

Даня Липницкий сидел за столиком возле окна и читал книгу. Уши его были заткнуты наушниками.

Настя, как только увидела его, сразу поняла, что вот оно — счастье всей ее жизни. Сидит за столиком в наушниках и читает книгу.

Она вздохнула от полноты этого счастья, моментально забыла про Джессику, подкралась, ловко выдернула наушник и гавкнула ему в ухо:

— Ав!..

— Да нууу, — сказал Даня и поднялся навстречу девицам. — Подумаешь, фокус! Меня этим не возьмешь! У меня собака сразу оба вытаскивает! Научилась! Только она не брешет, а ухо лижет.

Настя, замерев, смотрела на него. Боже, до чего красивый!.. Волосы! Руки! И ему так идет длинный нос, если только человеку может идти его собственный нос!..

— Вы обедать будете?

— А ты?

— Я еще не решил, я вас ждал.

— Мы будем, — быстро сказала Джессика, усаживаясь. — Только у нас денег нет.

— У нас есть, — неизвестно зачем перебила Настя. Почему-то ей расхотелось, чтобы Даня за нее платил.

— Здесь на самом деле не очень вкусно, — деликатно понизив голос, сообщил Даня, — понтов много, а еда никакая. Может, кофе выпьем, а есть в пельменную пойдем? Вон на той стороне пельменная, там отлично. Мы с папой ее любим.

— Ты ходишь в пельменную?! — Настя округлила глаза.

— Да, а что? Когда хочу пельменей, хожу.

— Никто не ходит в пельменные, ты что?!

— Почему никто? — вмешалась Джессика. — Я вот уже три недели в Москве, тут ничего себе пельменные. У нас тоже одна ничего, а в другой грязно и алкоголики.

— В общем, если дамы не возражают, сейчас кофе, а потом в пельменную.

Дамы синхронно пожали плечами. Настя просто так пожала, а Джессика с церемониями. Она приподняла плечи, посидела, потом приснула и закрылась ладошкой.

— Слушай, — начала она, — мы заявление в легавке писали, так там все на нас смотрели как на дурочек с переулочка, нам Настина бабка сказала написать, чтоб потом справку выдали, что паспорт, мол, украден. И аттестат тоже!.. А почему тебя в социалках нету? Ты чего, засекреченный, что ли? Везде искала и не нашла! Как ты живешь без Инстаграма и без всего?

— Твой отец нашел родителей Джесс? — перебила Настя.

— Понятия не имею, он мне не говорил.

— Ой, ты скажи ему, чтоб не искал, — перепугалась Джессика. — Я тебя умоляю!

— Как же не искать? А что делать?

Она махнула рукой и огляделась по сторонам:

— Да придумается чего-нибудь! Зуб даю! На работу устроюсь!

— Как на работу без документов? — в Насте продолжала говорить бабушка Марина Тимофеевна. — Тебе документы и деньги нужны в любом случае!..

— Документы выправлю, вон в легавке заявление у нас взяли и зарегистрировали даже, заработаю, квартиру буду снимать. Слушай, а ты в театральном учишься, да? На каком курсе? Ты в кружок ходил? Я ходила, Настя знает, там, у нас. Ты, главное, отцу скажи, чтоб он не искал ничего. У меня родители... того, не сахар с медом. Пьющие они сильно, отпускать меня не хотели, на хозяйстве кто-то должен впахивать, а я тю-тю, сбежала от них! Ихнее хозяйство, пусть сами и впахивают.

Даня почесал голову, отчего сделался необыкновенно лохмат.

— Сказать-то я могу все, что угодно, только вряд ли папа меня станет слушаться. Он, между прочим, никого не слушается.

— Он крутой, да? С охранником ездит! Он кто? Олигарх? Такая хорошая профессия — олигарх, да? Если б я не была артисткой, выучилась бы на олигарха! Теперь феминизм, и женщины тоже могут на олигархов поступать, да?.. Только там уж точно все блатные, да?

На этот раз Даня Липницкий почесал нос, а не голову.

— Дело в том, что олигарх — не профессия. Это такое... положение в обществе. Олигархия есть смычка капитала и политического влияния. Джессика засмеялась.

— Ты такой умный, да?.. А чего тогда на олигарха не учишься, а на артиста?

— Да я, собственно, и на артиста не... — тут он замолчал и посмотрел на Настю, — между прочим, что ты хочешь делать? Ты позвонила и сказала, что у тебя есть план. Но я не понял, какой именно.

Никакого плана не было, а тот, что был, оказался выполнен — вот он, Данила Липницкий, вот она, Настя Морозова, герой и героиня в уютном московском кафе — в сценариях положено, чтоб кафе *обязательно* было уютным и *желательно* московским, — и с ними ничемушная подружка героини, мелет языком невесть что. Хорошо бы, конечно, он под столом держал ее за руку, но он не догадается взять, конечно!..

— Я хочу выяснить, куда пропали часы Светланы Дольчиковой, — выдала Настя первое, что пришло ей в голову, и заглянула под скатерть, чтобы понять, далеко ли его рука и коленка от ее руки и колени. Оказалось, далековато. — Мне кажется, все дело в этих часах!..

— А как мы можем выяснить?

— Поедем в институт и спросим, может, кто-нибудь видел, как она их снимала, например! Может, она их просто в туалете забыла! — на ходу сочиняла Настя.

— Там было полно народу, — возразил Даня. — А сейчас, должно быть, никого.

— В этом вся фишка! Остались преподаватели и сотрудники, а они Дольчикову хорошо знают! Знали! Может, кто-то и обратил внимание, что часы пропали!.. И вдруг мы их найдем!..

— Не знаю, — проговорил Даня с сомнением. — Папа сказал, чтобы мы в это дело не лезли. Он был уверен, что мы полезем!..

— Ой, Дольчикова! Она такая миленькая, прелесть! Так жалко, жуть просто, ну, просто жуть!.. Могла бы жить и жить! Она же от передоза, да?.. В комментариях писали, что прям со шприцем в вене и нашли!

— Что за чушь! Никакого шприца не было! — одновременно и очень громко, на весь зал, заговорили Настя с Даней. — И передоза не было! Она на прослушивание приехала!..

Роскошный официант с разгону притормозил возле столика и спросил, не нужно ли им чего. Настя попросила фραπε на миндальном — ясное дело! — молоке, Джессика самую большую кружку капучино, а Даня чай под названием «Марокканская мята».

— У меня аллергия на лактозу, — пояснила Настя с гордостью. — Я молоко не могу пить. Только миндальное или кокосовое.

Джессика поняла, что сплеховала, и моментально огорчилась — она же читала в Сети, что нынче никто не пьет молоко из-за этой самой лактозы! У всех молодых, деловых и продвинутых должна быть аллергия на лактозу и еще на этот... как его... глютен! Теперь нельзя съесть булку и запить ее молоком прилюдно, приходится по секрету от всех, дома, иначе про тебя подумают, что ты отсталая или из провинции.

— Зря ты химию всякую глушишь, — заметил Даня, когда принесли фραπε «на миндальном».

— Да у меня аллергия, — возмутилась Настя. — И это не химия никакая, а здоровое питание!

— Я не уверен, — Даня нагнулся к ее стакану и понюхал. — Мало ли чего туда насобачили! Мы с папой однажды в воскресенье решили торт печь. Ну, нашли рецепт, а там как раз это миндальное молоко, будь оно неладно.

— Ты сам печешь?! — изумилась Джессика.

— Плохо, — признался Даня. — А папа умеет. Он все умеет! Он же меня растил. И еще бабушка.

— У него мать умерла, — сказала Настя и добавила с грустной гордостью: — У него мать, а у меня отец.

Джессика уважительно покивала.

— У нас как раз дома миндаль был, большой пакет, килограмма два, наверное. И стали мы из миндаля этого молоко делать. Получилась у нас в итоге жидкость, белая такая, ни запаха, ни вкуса. Короче, нет в твоём стакане никакого миндального молока, зато сплошные достижения химической промышленности, слава ей.

Настя посмотрела на свой стакан.

— Ерунда, — неуверенно сказала Настя.

— И кокосовое тоже?! — спросила глупая Джессика с восторгом.

— Ну, кокосы вообще экзотика! Они почти нигде не растут, если смотреть в планетарном масштабе.

— Ты такой умный, да?.. А что ты читаешь?..

— Лавкрафта.

— Умный, жуть, — констатировала Джессика. — И прям вот такую здоровенную книжку всю прочитаешь?!

Насте не нравился разговор — весь разговор ей не нравился! Перестал нравиться после того, как заговорили про поступление на факультет олигархии и про передоз у Дольчиковой!.. Она чувствовала себя странно, словно в присутствии бабки Марины Тимофеевны — неизвестно, когда и на какую мину наступишь и что произойдет после этого.

Даня был просто Даня — длинноносый и длинноногий лохматый красавец, немного не от мира сего, именно таким она и увидела его, вернее, полюбила с первого взгляда, когда он сидел на кадке, а ее выгнали из аудитории, не дослушав про «скобки года»! И этот сегодняшний старый Даня показался ей совершенно новым и чужим.

У него какая-то отдельная, непонятная, высшая жизнь.

Кажется, ему все равно, кто и что о нем подумает и соответствует ли он представлениям о том, каким должен быть устроенный столичный молодой человек при высокопоставленном папаше. Он читает в кафе толстую книгу, а по выходным печет торт с миндалем — так никто не делает! А если делает, не признается, это не положено, так нельзя!

Можно: завтракать в «Кофемании», ездить на «Альфа Вьюча Пипл», то и дело брать такси, проводить зиму в Трёх долинах, каждый год обновлять гаджеты, замыкать круги активности на смарт-часах, читать литературу по саморазвитию и жить по Лабковскому...

Нельзя: покупать на скидках, жить с родителями, считать, что «Времена года» — это какая-то музыка, хотя на самом деле магазин, не знать, кто такой Лабковский.

Эти «можно» и «нельзя» были хорошо известны не только Насте, но вообще всем — спроси хоть вон ту девулю за соседним столом, которая строчит сообщения в телефоне и уже раза три сделала селфи. Когда она не строчила и не делала, ложечкой пила кофе из чашки и неотрывно смотрела на Даню. Или того парня, который поглощает суп, пристроив телефон позади тарелки, смотрит «стенд-ап шоу» и весело смеется — сам с собой! И они подтвердят, они тоже знают, что «можно», а что «нельзя».

Почему ему все равно? Почему он словно сам по себе, отделен от них, накрыт невидимым колпаком, защитным полем?..

Это его имела в виду бабушка, когда говорила, что есть *немногие, которые живут*, а большинство смотрит картинки про жизнь?..

— Слушай, — тараторила Джессика, — а у тебя есть друзья? Ты бы нас познакомил! У меня в Москве никого, жуть просто. С одним парнем на прослушивании скорефанилась, а потом он потерялся. Его на второй тур пропустили, и я уж его больше не видала. И вот Настя еще. А мне тут закрепиться надо, я обратно в Мышкин не поеду, по хозяйству впахивать! А может, твой батя меня на работу возьмет? Я это... учусь быстро. Ненадолго, до следующего года, а там поступлю!..

Настя сказала, что нужно ехать, иначе настанет ночь и в институте никого не будет.

Даня порывался заплатить за всех, но Настя не разрешила. И «фраппе на миндальном» не стала допивать.

В третьем часу Тонечка и Александр Наумович были отпущены восвояси.

Великий продюсер злился. Тонечка была задумчива. У подъезда многоэтажки она нашарила в кудрях темные очки, нацепила их на нос и спросила Германа, знает ли он родственников Василия Филиппова. Жену, например, очень деловую, о которой говорил режиссер Эдуард тогда, на «Мосфильме».

— Жену знаю, конечно, — сказал Герман с раздражением. — Зачем она тебе?

— Я к ней съезжу, — объявила Тонечка. — Расскажу.

— Я уверен, ей уже позвонили.

— Да это неважно, Саша. Звонили, не звонили, какая разница!.. Нужно, чтоб все было по-человечески.

— По-человечески, значит, взять и явиться к незнакомому человеку, чтоб выразить... что? Фальшивое сочувствие?

— Почему фальшивое? Искреннее! У нее муж умер. В нашем присутствии!

— Они сто лет не живут вместе!

— Саша, он ее муж.

Герман махнул рукой.

— Езжай куда хочешь. Позвони в мою приемную, я распоряжусь, тебе дадут контакт, у секретарши есть.

— Кто-то же забрал его телефон, — продолжала Тонечка задумчиво. — И привез бутылки, весь этот... праздник жизни!

— Это из нового сценария?

— Саша, я как раз хотела тебе сказать про сценарий...

— Не нужно мне ничего сейчас говорить, — перебил он. — Я зол, ты что, не видишь?

Тонечка посмотрела на него. Зол, да еще как зол!..

— Я весь день угробил на ерунду, — продолжал Герман, распаляясь, — которая не имеет ко мне никакого отношения! Можно подумать, мне делать нечего!

— С нами всегда так, — отозвалась Тонечка. — На нас нужно тратить время, мы выпиваем, помираем! Ужас один.

Он не понял.

— С кем, с вами?..

— С людьми, — пояснила Тонечка. — Ты просто к нам не привык. Или давно отвык, тут я не знаю.

— Ну, человечество в целом меня действительно не интересует.

— Оно и видно. Тебе даже этого несчастного Василия не жаль. Тебе просто хочется, чтоб все побыстрее закончилось. Вернее даже не так! Чтобы твое участие побыстрее закончилось.

— Василия мне не жаль вообще, — согласился Герман. — И тебе не советую изображать мать Терезу. Быть милосердной без лицемерия сложно.

— Мой муж сильно пил. И умер от белой горячки.

— Я уже догадался. Ты рыдать была готова у одра этого недоумка! Совершенно ясно, что тебе близки его страдания. Я только спрашиваю у себя, при чем тут я. И получается, ни при чем. Изображать святость мне скучно. И я не очень понимаю зачем.

— А я изображаю святость? — тихо спросила Тонечка.

— Еще как! Смотреть противно. Все, давай, пока.

Тонечка проводила глазами его машину.

...Почему он решил, что она «изображает»? Она делала то, что привыкла, — пыталась помочь, хотя чем тут поможешь?.. Сколько раз за свои сорок лет она приносила воду, подносила стакан к клацающим зубам, впихивала таблетки, заставляла глотать, клала на лоб пакет со

льдом, ждала «Скорую», умоляла бездушных врачей сделать «хоть что-нибудь»!

Ей и в голову не приходило, что она «изображает святость»!

Иногда, сильно устав, она упрекала себя, но не в «святости», а в слабости!.. Она настолько слабый человек, что не имеет сил сбросить тягло, зажить, задышать, начать делать то, что хочется!.. Она изо всех сил делала то, что «должна». Может, именно это Герман и назвал лицемерием?

Впрочем, это был слишком сложный разговор с собой, чтобы вести его у подъезда многоэтажки по Песчаному проезду, тринадцать!..

Некоторое время она соображала, где здесь может быть метро, а потом пустилась в путь.

Жена Василия Филиппова работала в самом центре. Громадное серое здание, кажется, начала прошлого века, подковой нависало над крошечной площадью с памятником в середине. Тонечка, родившаяся и выросшая в Москве, понятия не имела, кому тут памятник, подошла и посмотрела. Оказалось, Урицкому!.. Она ничего не могла припомнить об этом человеке — кажется, он был пламенный революционер — и решила потом непременно почитать.

Секретарша Германа с некоторым недоумением продиктовала ей телефон Зои Евгеньевны Филипповой, и сама Зоя Евгеньевна недоумевала, когда Тонечка позвонила и напросилась на встречу. Но отступить она не могла.

Назло Герману не станет она отступать!..

Никакого пропуска не было в бюро пропусков, пришлось снова звонить, представляться, напоминать, что она приехала «поговорить о Василии» и что это «очень важно», впитывать холодное недоумение, льющееся из телефонной трубки прямо в ухо.

Зоя Евгеньевна служила в роскошной юридической конторе на четвертом этаже. Паркет, ковры, многозначительная тишина — здесь люди заняты важными делами! — на стенах портреты знаменитых адвокатов и присяжных поверенных, смешанный вкусный запах кофе, духов и озона от копировальных машин. Должно быть, супруга режиссера большой специалист, если работает в таком прекрасном месте!

За письменным столом — дерево, сукно, бронзовый прибор и дорожный маленький компьютер, все самое настоящее, — сидела девушка в строгом деловом костюме и очках. Она набирала текст, ухоженные пальцы двигались словно сами по себе, почти незаметно — высший пилотаж.

Тонечка сказала, что она к Зое Евгеньевне. Девушка приветливо предложила ей присесть — вон кресла.

Тонечка вздохнула, ей стало неловко.

...Прав Герман! Она явилась к постороннему человеку — зачем?! У этого человека вон какая жизнь, а Тонечкино глупое и ненужное сочувствие испортит эту самую жизнь!

Впрочем, смерть всегда портит жизнь...

— Это вы мне звонили?

Тонечка неловко повернулась и поднялась, тоже неловко.

— Я Зоя Филиппова, — продолжала ровным голосом молодая и прекрасная красавица. — Вы что-то хотите мне сказать?

— Если можно, не здесь, — умоляющим голосом попросила Тонечка. — Это недолго, извините меня.

Красавица хмыкнула, пожала плечами и сказала:

— Пойдемте.

Тонечка поплелась за ней.

У красавицы были совершенные ноги, совершенная спина, совершенная талия. Волосы как из рекламы шампуня, у людей не бывает таких волос, как в рекламе!..

Может, секретарша ошиблась, и красавица никакая не жена покойного режиссера Филиппова — псевдоним Ваня Сусанин! — а, например, одна из подруг великого продюсера?

На подругу великого продюсера красавица была похожа, а на жену режиссера Филиппова — нет.

В просторном кабинете было словно еще тише, глуше. Мебель дорогая и добротная, очень современная, странная, ломаных линий. Таких интерьеров не показывали ни в каком кино — слишком дорого и непонятно «простому зрителю», как сказал бы Герман.

— Вот сюда, — и красавица показала, куда именно Тонечке разрешено поместиться. — Что вам нужно?

— Я была с вашим мужем, когда он... сегодня утром он...

— Помер, — сказала красавица, рассматривая ее. — Я знаю. Вам нужны деньги?

— Почему деньги? — смешалась Тонечка.

— Вы его любовница и вам нужны деньги? Вам он тоже обещал?

— Я сценарист, — сказала Тонечка, изо всех сил жалея, что впуталась в такую ерунду. — И я была утром в квартире Василия. Он умер у меня на глазах.

— Какая потеря, — проговорила красавица. — Он обещал вам денег и вы пришли за ними?

Тонечка почесала голову, темные очки свалились на пол, она полезла их поднимать. Когда она вынырнула из-под стола, щеки у нее были пунцовыми.